

18+

АНУННАКИ

— Цена выживания —

Александр Качура

Александр Качура

Ануннаки. Цена выживания

«Издательские решения»

Качура А.

Ануннаки. Цена выживания / А. Качура — «Издательские решения»,

Их называли богами. Они пришли с умирающей Нибиру за золотом, чтобы спасти свой мир. Но генетический эксперимент вышел из-под контроля: на Земле родилась новая раса — люди. Сын создателя и сын рабыни теперь стоят перед выбором: стать орудием богов или стереть их с лица планеты. Цена выживания — свобода, и за неё придётся заплатить Потопом.

© Качура А.

© Издательские решения

Содержание

«Ануннаки. Цена выживания»	7
ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ I «Падающее небо»	9
ГЛАВА 1. «СОВЕТ»	9
ГЛАВА 2. «ИЗГНАННИК»	12
ГЛАВА 3. ЗОЛОТО	17
ГЛАВА 4. ПРИКАЗ	21
ЧАСТЬ II. ЭРИДУ	24
ГЛАВА 5. БЕРЕГ	24
ГЛАВА 6. ПЕРВАЯ НОЧЬ	29
ГЛАВА 7. АБЗУ	33
III. ПЕРВАЯ КРОВЬ И ПЕРВЫЙ МЕТАЛЛ	36
ГЛАВА 8. КРОВЬ	38
ГЛАВА 9. ГОДЫ В ПЫЛИ	43
ГЛАВА 10. «НИБИРУ. ПОХОРОНЫ»	48
ЧАСТЬ III. ДОМ ШИМТИ	53
ГЛАВА 11. «ДОМ ШИМТИ»	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ануннаки. Цена выживания

Александр Качура

© Александр Качура, 2026

ISBN 978-5-0070-8003-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Ануннаки. Цена выживания»

ПРОЛОГ

Он стоял у окна.

Стекло было тёплым. Почти горячим. За ним — свет. Красный, больной. Он проходил сквозь золотой щит, который стал тоньше кожи на старом листе.

Энлиль смотрел на небо.

Там, где раньше был плотный слой, теперь зияли разрывы. Как трещины на высохшей глине. Через них пробивался свет — резкий, как ожог. Он помнил другое небо. Золотое. Тёплое. Он был мальчишкой, когда бегал по дворцу и смотрел вверх. Отец говорил тогда: «Это наш щит. Он держит мир». Теперь щит не держал.

За спиной беззвучно разошлись панели прохода. Повеяло чужим, перегретым теплом. Слышалось дыхание — глубокое, неровное. Он знал, кто вошёл. Ждал. Молчал.

— Ваше Величество...

Голос Утнапиштира дрожал. Не от страха. От истощения. Старый учёный почти не спал последние пять циклов. Энлиль знал это, потому что сам не спал дольше.

— Проходи, — сказал он, не оборачиваясь.

Утнапиштим шагнул вперёд. Подошвы его сапог скрипнули по металлическому полу. Он остановился в двух шагах от правителя. В руках — табличка. Грань её ещё тлела от активации.

— Мы провели финальные замеры, — голос был сухим, как песок. — Слой истончается быстрее, чем мы прогнозировали.

Энлиль не ответил.

— Три процента за последний цикл, — продолжал учёный. — Если так пойдёт дальше...

— Я знаю, что будет дальше, — перебил Энлиль.

Он повернулся.

Утнапиштим сглотнул. Кадык дёрнулся. Его руки — старые, с выступающими венами — дрожали, когда он держал табличку. Кожа была серой. Не от света. Просто уставшей.

— Сколько у нас времени?

Учёный посмотрел на табличку. Потом на пол. Потом снова на неё.

— Семь циклов, мой господин. Может, шесть.

Энлиль не моргнул.

— Ты уверен?

— Я хотел бы ошибаться. — Утнапиштим покачал головой. — Но нет, мой господин. Данные точны.

Энлиль сжал кулак. Ногти впились в ладонь. Боль отрезвляла.

— Семь, — повторил он. — Семь циклов.

— Да.

— А если мы ничего не сделаем?

— Тогда через семь циклов небо рухнет. Атмосфера уйдёт. Мы задохнёмся. Все. Города, поля, дети, старики. Всё.

Утнапиштим замолчал. Слова повисли в воздухе. Энлиль смотрел на него долго. Слишком долго. Учёный не выдержал взгляда — отвёл глаза.

— Ты знаешь, кто был здесь до меня? — спросил Энлиль.

— Алалу, — тихо ответил учёный.

— Да. Алалу. Он сидел на этом троне. Он говорил, что мы слишком самоуверенны. Что наш мир не вечен. Его изгнали. Ты помнишь, как его изгнали?

— Я помню, мой господин.

— Он улетел в никуда. Без еды, без карт, без надежды. Но перед этим он что-то говорил. О мире. О мире, где есть золото.

Утнапиштим поднял глаза. В них — не страх. Усталость и осторожность.

— Его слова записаны, — сказал он. — В старых архивах. Когда он улетал, он оставил табличку. Координаты. Описание. Никто не верил ему тогда.

— А теперь?

Учёный замялся. Потом протянул табличку.

— Мы нашли её. Пере проверили. Данные совпадают.

Энлиль взял табличку из его рук. Пальцы замерли на тлеющей грани. Он нажал сильнее, снимая блокировку — синее свечение резко набрало силу, выхватив лицо. Проекция развернулась в воздухе над ладонью. Маленькая точка. Голубая.

— Что это? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Земля, — сказал Утнапиштим. — Планета в системе, которую мы почти не изучали. Её атмосфера плотная. Есть вода. Есть жизнь. И там... — он помедлил, — там есть золото.

Энлиль смотрел на голубую точку. Она медленно вращалась, как живая.

— Сколько?

— Достаточно, чтобы восстановить щит. Если мы сможем добраться и начать добычу.

— Добраться. — Энлиль поднял голову. — Сколько времени займёт полёт?

Учёный вздохнул.

— В лучшем случае — год. В худшем — три. Мы не отправляли корабли так далеко со времён Алалу. Технология есть. Но риск...

— Риск — это мы, — сказал Энлиль. — Мы уже рискуем. Каждый день. Каждое дыхание. Каждый цикл, когда мы смотрим на это небо и ничего не делаем.

— Мой господин, даже если мы начнём сейчас...

— Мы начнём сейчас, — оборвал Энлиль. — Я доложу отцу. Но решение уже принято.

Утнапиштим опустил голову.

— Как скажешь, мой господин.

Энлиль снова посмотрел на проекцию. Голубая точка вращалась. Она казалась такой хрупкой. Но за ней — спасение. Или смерть.

— Убирайся, — сказал он тихо.

Учёный поклонился. Шаги его стихли за дверью.

Энлиль остался один.

За стеклом — разрывы. Красный свет. Бури, которые медленно ползли по горизонту, как старые раны. Он смотрел на них долго, пока дыхание не стало ровным.

Земля, — повторил он мысленно.

Слово было чужим. Но оно уже жило внутри. Как надежда. Или как проклятие.

Он развернулся и пошёл к двери. Стекло за спиной дрогнуло от новой бури. Семь циклов. Он не обернулся.

ЧАСТЬ I «Падающее небо»

ГЛАВА 1. «СОВЕТ»

Зал совета был огромным. И пустым.

Огромным — потому что когда-то здесь собирались сотни. Пустым — потому что сейчас здесь было только трое.

Ану сидел на троне. Не на том, высоком, с золотыми шипами. На простом. Каменном. Он всегда садился на него, когда хотел, чтобы его слушали, а не боялись.

Энлиль стоял слева. Энки — справа. Между ними — пустота.

— Докладывай, — сказал Ану.

Голос его был низким, но в нём не было силы, которая раньше заставляла стены дрожать. Он звучал как потрескавшаяся земля.

Энлиль шагнул вперёд.

— Запасы воздуха на исходе. Щит истончается. Учёные говорят — семь циклов. Утнапиштим говорит — может быть, шесть.

— Я знаю, что говорят учёные, — Ану поднял взгляд. — Я спрашиваю, что говорят мои сыновья.

Энлиль сжал челюсть.

— Мы должны отправить экспедицию, — сказал он. — Алалу нашёл планету. Там есть золото. Оно восстановит щит.

— Алалу, — Ану усмехнулся, но безрадостно. — Ты хочешь лететь по карте изгнанника, которому я запретил возвращаться.

— Ты запретил ему возвращаться, — спокойно сказал Энлиль. — Но не запретил нам улетать.

— И ты готов улететь. Бросить Нибиру?

— Нет, — твёрдо ответил Энлиль. — Я готов спасти её.

Ану перевёл взгляд на Энки.

— А ты что скажешь?

Энки молчал до этого. Он стоял неподвижно, руки скрещены на груди. Его лицо было спокойным, но пальцы слегка сжимали плечи.

— Я не верю в золото, — сказал он. — Или верю. Но не в то, что оно спасёт нас.

Энлиль резко повернулся к брату.

— Ты видел данные. Золотая пыль восстановит щит. Это доказано.

— Доказано? — Энки поднял бровь. — Опытами, которые ставили пять тысяч циклов назад? На образцах, которые никто не проверял?

— Утнапиштим проверял.

— Утнапиштим — старик, который боится тебя больше, чем смерти.

— Этого достаточно, — сказал Энлиль. — Он — лучший учёный на Нибиру.

— Нет, — Энки покачал головой. — Этого недостаточно. Мы должны искать другие пути.

— Какие, например? — Энлиль усмехнулся. — Твоя генетика? Изменить воздух? Сколько циклов нам ждать, пока твои бактерии вырастут и начнут дышать?

— Тридцать, — ответил Энки спокойно. — Может быть, сорок. Но это будет работать. Навсегда. Без золота, без шахт, без рабов.

— Тридцать циклов, — повторил Энлиль. — Мы умрём через семь.

— Не умрём, если будем экономить воздух, — сказал Энки. — Сократим население. Свернём производства. Перейдём на подземные уровни. Держаться можно сто лет.

— Сто лет в норе, — Энлиль шагнул к нему. — Ты предлагаешь спрятаться. Ждать. Надеяться, что твоя генетика сработает. А если нет?

— Тогда мы умрём не через семь циклов, а через сто. У нас будет время.

— Время для чего? — голос Энлиля стал тише, но от этого — только жёстче. — Чтобы смотреть, как наши дети задыхаются? Чтобы хоронить их один за другим?

Энки замолчал. Он посмотрел на отца.

Ану сидел неподвижно. Его руки лежали на коленях. Пальцы — тонкие, старые — слегка подрагивали.

— Мы не можем сократить население, — сказал он, наконец. — Я не могу сказать сотням тысяч людей, что они должны умереть, чтобы мы могли жить.

— Мы можем, — сказал Энлиль. — Но не скажем им. Они сами увидят, как закрываются районы. Сами почувствуют, что воздух становится тоньше. А мы будем говорить им, что это временно.

— Ты хочешь лгать народу? — Ану прищурился.

— Я хочу, чтобы он выжил, — ответил Энлиль. — Даже если для этого придётся скрывать правду.

Энки отвёл глаза. Он смотрел на пол, на свои руки, на пустой зал.

— Есть третий путь, — сказал он тихо.

— Какой? — спросил Ану.

— Найти Алалу, — сказал Энки. — Не лететь к его планете. Найти его самого. Он провёл там годы. Он знает, что там есть. Может быть, он ошибался насчёт золота. Может быть, есть что-то другое.

— Он мёртв, — сказал Энлиль. — Или улетел так далеко, что мы его никогда не найдём.

— Ты не знаешь этого, — сказал Энки. — Ты просто не хочешь искать.

— Я хочу действовать, — оборвал его Энлиль. — Сейчас. Пока у нас есть время.

В зале снова повисла тишина. Слышно было, как гудит где-то далеко генератор. Как ветер бьётся в стены.

Ану поднялся с трона.

Это было медленное движение. Трудное. Его тело старело, как и весь мир вокруг.

— Я принял решение, — сказал он. — Энки, ты возглавишь экспедицию.

Энлиль замер. В пустом зале стало слышно, как тяжело и редко он дышит. Секунда. Вторая. Скрипнула кожа перчатки — кулак сжался так, что побелели суставы. Он смотрел на отца, и в этом взгляде не было покорности. Только расчёт.

— Почему? — спросил он, и голос его был ровным, но в нём слышалось напряжение. — Я предложил это первым.

— Потому что ты нужен здесь, — сказал Ану. — Кто-то должен сохранять порядок, пока экспедиция в пути. Кто-то должен смотреть на небо и говорить людям, что всё не так плохо.

— Я могу делать это и на Земле.

— Нет, — Ану покачал головой. — Земля — для тех, кто умеет ждать. Изучать. Анализировать. Ты умеешь только резать.

Энлиль смотрел на отца. Долго. Потом перевёл взгляд на брата. Тот стоял неподвижно, не поднимая глаз.

— Хорошо, — вытолкнул он из себя. — Я останусь.

Он развернулся и пошёл к выходу. Спина его была прямой, как лезвие, но в каждом шаге чувствовалась сжатая пружина.

— Я начну готовить корабли, — сказал Энки в пустоту.

— Завтра, — сказал Ану. — Отдохни сегодня. Завтра начнёшь.

Энки кивнул и вышел.

Ану остался один.

Он сидел на каменном троне и смотрел на свои старые, сухие ладони. Пальцы мелко дрожали.

Он не знал, кто из них прав.

Зал содрогнулся. Где-то далеко, за толстыми стенами, снова взорвалась буря.

ГЛАВА 2. «ИЗГНАННИК»

Арена не кричала. Она исходила глухим, утробным рокотом, от которого вибрировали кости в черепе. Так звучит каменный обвал, запертый в глубокой шахте.

Алалу стоял посреди серого круга. Мелкая, перетертая в пыль гранитная крошка забивалась в трещины его высоких кожаных сапог. Каждые несколько секунд земля под ногами едва заметно вздрагивала — генераторы гравитационного щита над амфитеатром работали с перебоями, выплёвывая в воздух сухой, колючий запах озона.

Правое плечо Алалу висело плетью. Мышцы под разорванным панцирем горели; три цикла назад, когда Ану швырнул его на этот самый песок через бедро, сустав выскочил с сухим хрустом. Лекарям запретили прикасаться к побеждённому царю. Кость вправил он сам, упёршись локтем в металлический косяк тюремной камеры. Получилось криво. Теперь при каждом вздохе под ключицей ворочался тупой ржавый нож.

Алалу поднял голову. Трибуны уходили вверх правильными кольцами, рассечёнными на кастовые сектора.

Нижний ярус — чиновники, судьи, советники в белых жёстких накидках. Они сидели неподвижно, похожие на известняковые столбы. Ни один не смотрел Алалу в глаза. Девять циклов они лизали его сандалии, теперь они ждали, когда служители арены смоют его кровь с гранитной крошки.

Средний ярус — воины. Тяжёлые вороненые доспехи, пахнущие оружейным маслом и застарелым мазутом. Эти молчали. Некоторые сжимали кулаки. Они помнили Алалу в походах на дальние луны, но верность касте лидеров требовала подчинения новому царю.

Верхние ряды — игиги. Рабочие космодромов, строители верфей, чернь. Оттуда, из красного полумрака под самым потолком, летел запах дешёвого пайкового сусла, пота и гнилых овощей. Именно они требовали смерти. Они всегда требуют смерти того, кто упал.

Ану сидел на каменном стуле. На нём не было парадной тиары, только простой серый обруч, стягивающий сидящие волосы у висков. Старик выглядел уставшим, но его пальцы, лежащие на коленях, были неподвижны, как литые.

— Ты проиграл, Алалу, — произнёс Ану.

Голос прозвучал без усиления, но акустика древнего амфитеатра донесла его до самых верхних щелей. Сухо. Ровно. Так падает плита на зев гробницы.

Алалу сплюнул. Слюна была розовой, густой от крови. Он заставил себя выпрямить спину, хотя левое легкое тут же отозвалось резкой судорогой.

— По закону — смерть, — продолжал Ану, слегка наклонив голову. — На площади перед воротами Эриду. Твоё имя должно быть стёрто со всех памятных стел. Твои сыновья должны снять знаки касты и уйти в нижние уровни.

Алалу молчал. Он смотрел мимо Ану — туда, где над краем арены разверзлось небо. Щит Нибиру в этот день был прозрачным. Сквозь него проступала истинная плоть космоса: больная, багровая, затянута сажей межзвёздной пыли. Солнце системы, тусклый коричневый карлик, висело над горизонтом, как остывающий уголь в золе.

— Но я не пролью твою кровь, — Ану поднялся. Медленно, опираясь рукой на каменное подлокотье. — Ты носил знаки Силы. Ты сидел на этом стуле до меня. Каста судей просила плаху, но я даю тебе корабль.

На трибунах игигов кто-то взвыл. Короткий, грязный свист оборвался сразу же — гвардейцы в чёрных шлемах внизу синхронно ударили древками копий о металлическую шину ограждения. Донг. Один удар. Звук пошёл по кругу, гася любой ропот.

— Ты покинешь систему, — сказал Ану. Он подошёл к самому краю платформы. Теперь между ними было всего десять локтей воздуха, пахнущего озоном. — Корабль запавлен на

один перелёт. Очистители воздуха изношены. Навигатор заблокирован. Ты уйдёшь в глухой сектор, туда, где нет звёзд нашей касты. Ты никогда не вернёшься, Алалу.

— Никогда? — Алалу вытолкнул это слово через пересохшие, потрескавшиеся губы. Голос показался ему чужим, похожим на шорох сухой глины.

— До твоего последнего вздоха. Если твой след обнаружат на маяках Нибиру — любой патрульный корабль имеет приказ сжечь твою капсулу до того, как ты успеешь передать сигнал. У тебя нет имени. У тебя нет касты. Ты — тень.

Алалу внезапно улыбнулся. Зубы были в крови, и эта улыбка, должно быть, выглядела жутко. Он почувствовал, как внутри, под сломанными рёбрами, вместо страха начинает расти что-то горячее и злое.

— Ты думаешь, ты наказываешь меня, Ану? — Алалу сделал полшага вперёд. Хрустнул гранит под подошвой. — Ты освобождаешь меня от этого трупа. — Он повёл здоровой рукой в сторону багрового неба. — Эта планета сгниёт под твоей задницей быстрее, чем мои кости высохнут в пустоте. Я принимаю твой корабль. Но помни: изгнание — это просто длинная дорога назад.

Ану не ответил. Он повернулся спиной — это был знак, что ритуал окончен.

Двое гвардейцев выросли за спиной Алалу. Они не прикасались к нему руками — в этом не было нужды. Короткие стволы излучателей смотрели ему точно под лопатки.

— Шагай, старик, — тихо сказал один из них. Голос из-под глухого шлема звучал как из бочки.

Алалу пошёл. Каждый шаг отдавался в плече, но он держал подбородок поднятым. Когда тяжёлые бронзовые ворота арены начали медленно сдвигаться, отсекая его от трибун, он услышал, как над Нибиру снова завыл ветер. Сухой, пыльный ветер умирающего мира.

Корабль назывался «Тариша». Старый военный скаут, списанный за тридцать циклов до рождения Энлиля. Его корпус был покрыт глубокими кавернами от микрометеоритов, а обшивка внутри пахла пригоревшим пластиком, мылом и застарелой человеческой сыростью. Здесь годами возили штрафников и колонистов нижних каст.

Пневматический люк захлопнулся с тяжёлым, лязгающим звуком. Клац-ц. Вышел воздух из уплотнителей. Всё.

Алалу сидел в пилотском кресле. Кожа ложементов лопнула на изгибах, из трещин торчала серая искусственная шерсть. Перед лицом светилась старая люминесцентная панель. Оранжевые цифры. Никаких голограмм, никаких нейроинтерфейсов, к которым он привык в царском дворце. Только грубые тумблеры и клавиши из прессованного карбида.

Он нажал главную шину. Корабль отозвался судорожным, рваным толчком. Двигатели в хвосте завывали — тонко, со свистом, словно внутри турбины застрял металлический осколок. Экран наружного обзора мигнул и выдал картинку: стартовая платформа, уходящие вниз серые коробки построек Эриду, и круглая чаша арены, похожая на гноящуюся рану на теле города.

Корабль пошёл вверх. Без компенсаторов перегрузки тело Алалу вдавило в рваную кожу кресла. Сломанные рёбра сошлись в плотный, горячий ком. Он не кричал — просто закрыл глаза и стиснул зубы так, что на языке появился солоноватый вкус.

Через тридцать минут вой двигателей стих. Наступила тишина.

Это была не та тишина, которая бывает во дворце после ухода слуг. Это была мёртвая, вакуумная пустота, нарушаемая только треском остывающего металла обшивки и ровным, сводящим с ума зуммером регенератора воздуха. У-у-у-у. Низкий, монотонный звук. Через три дня этот звук начнёт казаться Алалу частью его собственного мозга.

Пятые сутки полёта.

В рубке стал падать уровень тепла. Ану не солгал — реактор скаута выработал свой ресурс, автоматика сэкономила каждый киловатт. Алалу обмотал ноги куском старого брезента,

найденного в техническом отсеке. Руки замерзли так, что пальцы едва сгибались. Кожа на суставах потрескалась и почернела от ввевшейся смазки.

Еда закончилась на седьмой цикл. Остались только серые брикеты белкового концентрата, которые пахли мелом и старым жиром. Их нужно было разводить тёплой водой, но вода из распределителя шла едва тёплой, с резким химическим привкусом хлора и железа. От неё постоянно тошнило.

Алалу сидел часами, глядя в иллюминатор. Нибиру исчезла. Теперь она была лишь одной из миллиардов ржавых точек позади. Впереди не было ничего, кроме чёрного бархата, пробитого холодными иглами чужих звёзд.

Двенадцатые сутки.

Регенератор воздуха начал сдавать. Запах в рубке изменился — стал тяжёлым, мыльным, с явной примесью переработанного аммиака. Дышать приходилось глубоко, но кислорода не хватало. В висках поселилась постоянная тупая боль, словно голову стянули кожаным ремнём.

Он закрыл глаза. Тишина. Только его собственное дыхание — хриплое, редкое, как шаги умирающего.

Алалу начал разговаривать сам с собой. Сначала тихо, потом в полный голос.

— Ты думал, они будут плакать, Алалу? — спрашивал он у тёмного угла рубки, где масляно блестела крышка распределительного щита. — Нет. Они пьют сусло. Они смотрят на Ану. Ану обещал им золото. Старый дурак... Где он возьмёт золото?

Временами ему казалось, что на соседнем кресле сидит его жена, умершая ещё до первой большой засухи. Он видел её белое платье, чувствовал запах масел, которыми она смазывала волосы перед сном. Он протягивал руку, но пальцы натывались на холодный, покрытый инеем пластик пустого ложементы.

Восемнадцатые сутки.

Корабль вошёл в зону полной радиотишины. Маяки Нибиру больше не прослушивались даже на аварийных частотах. Скаут шёл по баллистической кривой, выкатываясь за пределы известного сектора. Энергии оставалось четыре процента. Стены покрылись тонкой коркой льда. Белый налёт сверкал под оранжевым светом умирающей панели, как соль на высохшем озере.

Алалу лежал на полу, подтянув колени к подбородку, чтобы сохранить остатки тепла. Дыхание вырывалось изо рта густыми белыми хлопьями. Они таяли в темноте слишком медленно. Ему казалось, что он уже мёртв, что его тело превратилось в такой же кусок замороженного железа, как и этот скаут.

На двадцатый цикл компьютер издал короткий, хриплый звук. Хр-р-к.

Это был забытый зуммер дальнего сканера. Старое железо нашло цель.

Алалу не поднялся — он выполз на локтях, волоча за собой обмотанные брезентом ноги.

Оранжевый экран мигал. На нём, среди хаоса цифровых шумов и помех, горела точка. Она не была красной, как Нибиру. Она не была белой, как мёртвые луны внешних пределов. Она была голубой.

Этот цвет ударил по глазам Алалу, отвыкшим от всего, кроме монохромного полумрака. Он с трудом поднялся на ноги, держась за край пульта. Пальцы скользили по инею.

— Ну же... — прохрипел он. Голос сорвался на свист. — Давай...

Он ударил кулаком по панели. Экран треснул, но выдал строку анализа. Символы клинописи, заложенные в память навигатора, медленно сменяли друг друга.

Плотность атмосферы: 1.2 по базовому стандарту. Состав: Азот, кислород, углекислота. Вода: Жидкая фаза. Большие объёмы. Излучение звезды: В пределах нормы для биологических каст.

Алалу смотрел на экран, и его зрачки расширились. Он ввёл команду на сближение. Последние капли топлива ухнули в маршевые дюзы. Корабль содрогнулся — глухо, страшно, словно внутри разорвался паровой котёл. «Тариша» повалилась носом вниз, захваченная гравитационным полем чужой планеты.

Вход в атмосферу начался без предупреждения.

Иллюминаторы мгновенно затянуло багровым пламенем. Температура в рубке взлетела от нуля до сорока градусов за несколько секунд. Иней на стенах превратился в грязную воду, которая потекла по приборам, шипя и взрываясь мелкими искрами коротких замыканий.

Корабль швыряло из стороны в сторону, как сухой лист в вентиляционной шахте. Лопнул один из силовых болтов крепления правого ложемент — с металлическим звоном, похожим на выстрел, кусок стали пробил обшивку потолка. Алалу зубами вцепился в ремень фиксации. Его сломанное плечо снова выскочило, дикая боль прошла тело от затылка до пяток, но он не отпустил ремень. За стеклом ревел воздух. Это был не свист космоса, это был плотный, живой гул настоящей, тяжёлой атмосферы.

Корабль падал. Автоматика посадки была мертва, Алалу держал штурвал левой, здоровой рукой, чувствуя, как раскалённый металл рулевых тяг вибрирует под обшивкой.

Сквозь пламя в иллюминаторе проступила земля. Не серая пыль, не базальтовые скалы Нибиру.

Там было зелено. И сине.

Огромный, бесконечный ковёр из лесов и воды стремительно летел навстречу брюху корабля.

— Держись... — хрипел Алалу, наваливаясь всем весом на штурвал. — Держись...

Скула скаута зацепила вершины гигантских деревьев. Раздался страшный треск. Ветви толщиной в руку ломались о титановый корпус, оставляя на нём зелёные, сочные полосы сока. Корабль подбросило, он перевернулся через левое крыло и плашмя рухнул на мягкую, мокрую полосу берега.

Удар швырнул Алалу лицом на приборную панель. Наступила темнота.

Первым, что он почувствовал, был запах.

Это был запах гнили. Но не химической, мёртвой гнили очистных сооружений Эриду, а живой, сладковатой, тяжёлой. Так пахнет перепревшая трава, мокрый речной ил и йод.

Алалу открыл глаза. Лицо было залито липкой, тёплой кровью из разбитого лба. Приборная панель перед ним полностью погасла, лишь из-под кожуха шёл тонкий сизый дымок. Корабль лежал на боку, завалившись на правый борт.

Он пошевелил ногами. Работают. Левая рука — слушается. Правая — мёртвая масса боли.

Используя локти и зубы, Алалу дополз до аварийного люка. Ручной рычаг сброса заклинило. Он бил по нему каблуком сапога до тех пор, пока металл не поддался. С коротким, свистящим выдохом пиропатроны выбили наружную крышку.

Люк упал в грязь. В проём хлынул свет.

Это был не красный, больной полумрак Нибиру. Свет был белым, резким, золотым. Он обжёг глаза Алалу так, что тот зажмурился, из-под век потекли горячие слёзы.

Он вывалился наружу, упав животом на мокрый серый песок.

Шлем скафандра остался в рубке, и Алалу сделал первый вдох.

Воздух был настолько плотным и живым, что лёгкие Алалу не справились. Его затрясло в глубоком, удушливом кашле. Кислород обжигал гортань, как жидкий металл. Он задыхался от избытка воздуха. Ему казалось, что его лёгкие сейчас лопнут, как перекачанные баллоны. Он катался по песку, впиваясь пальцами в мокрую грязь, пока из горла не вышла густая слизь с привкусом железа.

Только через десять минут дыхание выровнялось.

Алалу перевернулся на спину.

Над ним было небо. Огромное. Чистое. Голубое небо без единой трещины. Никаких золотых щитов, никаких фильтров. Белые, пушистые горы облаков медленно ползли над головой, гонимые тёплым, влажным ветром.

В двух шагах от его сапог шумела вода. Огромное озеро или океан уходило за горизонт. Вода была синей, на её поверхности играли солнечные блики. Алалу протянул левую руку, зачерпнул горсть. Вода была тёплой, как кровь. На ладони остались мелкие песчинки и обрывки бурых водорослей, пахнувших солью.

Позади него стеной стоял лес. Гигантские, тридцатилетевые папоротники и деревья с мясистыми, широкими листьями закрывали солнце. В глубине этого зелёного ада что-то кричало — резко, пронзительно, со свистом. Живая тварь. Не машина. Не игиг.

Алалу поднялся на колени. Его лицо, покрытое грязью, кровью и песком, было обращено к солнцу.

— Я здесь, — сказал он в пустоту. Голос прозвучал громко, эхо утонуло в зелёной стене леса.

Он понял, что Ану проиграл в тот самый момент, когда подписал указ об изгнании. Они там, на Нибиру, сидят в своих каменных норах, экономя каждый глоток тухлого воздуха, ждут, пока небо рухнет им на головы. А здесь... Здесь был целый мир. Дикий. Чужой. Но живой.

Алалу залез рукой в карман полетного комбинезона. Пальцы нащупали маленькую аварийную табличку — её грань была холодной. Это был единственный прибор, который не питался от реактора корабля. Автономный геодезический маркер.

Он положил табличку на плоский камень у воды. Нажал левой рукой на скошенный угол. Прибор пискнул. Синий луч лазера ударил вертикально вверх, пробив влажный воздух на несколько локтей, а затем ушёл в небо — туда, где за слоем облаков скрывались звёзды.

Табличка начала запись координат. Она будет передавать их в пустоту циклом за циклом, пока не иссякнет кристалл. Сто лет. Двести лет.

Он знал, что корабль больше не взлетит. Лихорадка уже дышала в лицо из тени папоротников. Рёбра спрутятся криво — через цикл, когда он перестанет чувствовать боль. Но маркер будет работать.

Они увидят сигнал. Энки или Энлиль, или сам Ану, когда воздух в Эриду станет совсем серым. Они придут сюда. Они не смогут не прийти.

Алалу лёг на песок, подставив лицо тёплому прибою. Вода лизала его сапоги, смывая серую гранитную пыль арены Нибиру.

Он закрыл глаза. Он был изгнанником. Но теперь — первым богом этой планеты.

ГЛАВА 3. ЗОЛОТО

Он проснулся от того, что захлебнулся.

Вода была холодной, солоноватой и пахла гнилыми водорослями. Прилив подобрался к нему незаметно, пока он лежал в беспамятстве. Тяжёлая серая волна лизнула лицо, забила в ноздри и ушла назад, оставляя на губах мелкую горькую пену.

Алалу перевернулся на живот, выплевывая воду в перемешку с серым песком. Его затрясло. Земля под ним больше не была сухой — она превратилась в жидкую, чавкающую грязь.

Над головой висело небо, налитое свинцовой предгрозовой синевой. Огромные, тяжёлые тучи цеплялись за вершины тридцатилетних папоротников на краю берега. Мир казался огромным, мрачным и совершенно равнодушным к существу, которое копошилось у самой кромки его океана.

Алалу попытался опереться на правую руку, и сознание мгновенно выжгло белой вспышкой. Он глухо зарычал, повалившись обратно в грязь. Плечо. Сустав, выбитый при падении корабля, опух, комбинезон в этом месте натянул плотный синий узел. Правая рука превратилась в кусок чужого, горячего мяса.

— Вставай... — прохрипел он, обращаясь к самому себе. — Вставай, падаль.

Он поднялся на левом локте, удерживая равновесие. В паре десятков шагов от него лежала «Тариша». Старый скаут выглядел жутко. Скользнув по верхушкам леса, он пропахал в песчаной косе глубокую, глубокую траншею локтей в сто длиной. Левое крыло было вырвано с мясом — его обломки, похожие на рёбра гигантского ископаемого ящера, торчали из прибрежного ила. Из разорванных топливных магистралей в воду лениво текла радужная маслянистая плёнка. Корабль умер, но перед смертью он совершил на этой планете первое насилие: вывернул наизнанку вековой слой береговой породы.

Именно туда, в эту рваную рану на теле земли, и смотрел Алалу.

Траншея, оставленная брюхом корабля, обнажила пласты, которые скрывались под песком и корнями тысячи лет. Там, где титановый киль скаута расщепил древний базальтовый монолит, земля была серой и крошащейся. Но среди этого серого хаоса что-то горело.

Алалу пополз. Волоча сломанное плечо по мокрому песку, оставляя за собой глубокий след, как раненый тюлень. Каждый метр давался с боем, дыхание со свистом вырывалось из пересохшего горла.

Он добрался до края вывернутой скалы.

Между разбитыми кусками кварца и чёрного базальта лежала глыба размером с голову ребёнка. Корабль срезал её, как нож срезает нарыв. На сколе камня, под каплями начинающегося дождя, тускло и ровно светился металл.

Он не был серебристым, как титан. Он не был сизым, как оружейная сталь Нибиру. Он был жёлтым. Густым, тяжёлым, маслянистым жёлтым цветом, который невозможно перепутать ни с чем.

Алалу протянул левую руку. Пальцы, покрытые чёрной смазкой и запёкшейся кровью, коснулись металла. Он был мягким. Ноготь Алалу оставил на жёлтой поверхности глубокую, чёткую царапину.

Это было чистое, самородное золото. Прожилки толщиной в палец оплетали кварцевую основу, как вены оплетают живое тело. Корабль упал не просто на берег — он рухнул прямо на вершину колоссальной золотоносной жилы, уходящей под океанское дно.

Алалу сел. Сел прямо в грязную воду, прижав левой рукой самородок к груди.

Его грудная клетка задергалась. Сначала это было похоже на хрип, потом на кашель, и наконец — на смех. Он смеялся в полный голос, запрокинув голову к свинцовым тучам.

Грязный, сломанный, выброшенный умирать старик сидел посреди чужого доисторического болота и хохотал так, что птицы в папоротниковом лесу с криком взмыли в воздух.

— Ты искал его на лунах... — шептал он, задыхаясь от смеха. Кровь из разбитого лба текла по щекам, смешиваясь со слёзами. — Ты перерыл весь сектор, Ану... Ты разбирал на части астероиды, пока твои рабочие дошли от пыли... А оно здесь. Под ногами. Жрёт песок.

Ану выслал его, чтобы очистить трон и избавить Нибиру от памяти о старом царе. Ану думал, что дарует ему долгую, позорную смерть в пустоте. Но космос сыграл с новым правителем злую шутку. Изгнание обернулось величайшим триумфом. Ключ к спасению атмосферы Нибиру, золото, которое должно было удерживать тепло умирающей планеты, теперь принадлежало Алалу.

Только ему.

Смех прекратился резко, словно перерубленный топором. Пришла боль — чистая, концентрированная, напомнившая, что триумф мертвецу не нужен.

Алалу посмотрел на своё правое плечо. Бездействовать больше было нельзя. Если сустав воспалится, начнётся гангрена, и он не проживёт здесь и трёх заходов солнца.

Он подошёл к вывернутому борту «Тариши». Из обшивки торчал изогнутый кусок стального шпангоута — прочный, жёсткий рычаг, намертво закрепленный в корпусе. Алалу повернулся к нему спиной. Его трясло от одной мысли о том, что предстоит сделать.

Он зацепился подмышкой повреждённой руки за стальной крюк. Ноги скользили по мокрому металлу.

— Три... два... — выдохнул он.

И резко, всем весом своего тела, рухнул вниз, одновременно подкручивая корпус влево.

Раздался сухой, страшный звук — словно лопнула сырая ветка. Хруст-т. От дикой боли в глазах на мгновение вспыхнуло фиолетовое пламя, а в лёгких не осталось воздуха, чтобы закричать. Алалу повис на шпангоуте, ловя ртом воздух, как вытасченная на берег рыба. По подбородку текла слюна.

Но рука встала на место. Боль из острой, разрывающей превратилась в тупую, ноющую. Он смог пошевелить пальцами правой руки. Они слушались.

— Хорошо, — пробормотал он, вытирая лицо рукавом. — Теперь дело.

Он подобрал золотой самородок, зажал его под мышкой здоровой руки и полез внутрь разбитой рубки «Тариши».

Внутри царил полумрак, пахнувший катастрофой. Вода уже начала заполнять нижние уровни — под ногами глухо хлюпало. Вся парадная электроника, навигационные карты касты Лидеров, роскошный терминал связи — всё было превращено в кашу из пластика и медной крошки.

Автономный маркер, который он оставил на берегу, мог передавать только короткий импульс: «Объект Алалу жив, координаты сектора такие-то». Это была просто точка на карте для патрулей. Чтобы передать информацию о золоте, требовалась тяжёлая направленная антенна «Тариши».

Алалу протиснулся к техническому отсеку в хвосте рубки. Здесь, за бронированной перегородкой, скрывался блок дальней аварийной связи — грубое железо, созданное для колониальных штрафников. Оно не требовало мощных процессоров. Оно работало на кристаллах.

Экран блока связи мигал тусклым, янтарным светом. По нему ползли строки самодиагностики.

Питание: Аварийные аккумуляторы (остаток 2%).

Антенна: Деформация 40%, направленность сохранена.

Режим: Передача текстового пакета / Телеметрия.

Алалу опустил самородок на скошенную консоль. Камень с глухим стуком лег рядом с клавишами ввода. Оранжевый свет экрана упал на жёлтые прожилки, и золото заиграло зловещими, тёмными оттенками.

Его пальцы зависли над наборной панелью.

Вот она, точка невозврата.

Если он введёт в пакет данных только свои координаты и короткое требование: «Я жив. Пришлите капсулу. Торговые условия», — Ану будет вынужден прислать корабль. Новый царь не сможет игнорировать возвращение соперника, за спиной которого стоят остатки верных воинов. Но Алалу прилетит туда нищим. Просителем. Стариком, вымаливающим право умереть в тёплой постели нижних уровней Эриду.

А если он расскажет о золоте? Если он прикрепит к координатам результаты спектрального анализа этой вывернутой траншеи?

«Они прилетят, — подумал Алалу. Глаза его сузились. — Прилетят со всеми своими тяжёлыми транспортом, шахтёрскими платформами и гвардией. Придут, как саранча. Но придут ли они за мной?»

Ану может просто отдать приказ стереть квадрат его нахождения с орбиты, забрать золото и объявить на Нибиру, что планету нашёл автоматический скаут. Смерть Алалу в таком случае будет быстрой и незаметной. Никто не узнает, кто передал сигнал. Его имя всё равно соскребут со стел.

Пальцы по-прежнему дрожали над карбидными клавишами.

Два процента энергии. Экран мигнул, предупреждая, что времени почти не осталось. Пакет данных должен быть сформирован сейчас.

Алалу закрыл глаза.

В тишине разбитого корабля он слышал, как снаружи, по титановой обшивке, стучит первый настоящий земной ливень. Мир за пределами люка жил. Он дышал миллионами тонн пресной воды, ростом гигантских трав, криками невидимых хищников. Этот мир не нуждался в Нибиру. Это Нибиру, умирающая и холодная, задыхающаяся в собственной пыли, нуждалась в нём.

И этот мир открылся ему. Не Ану.

Алалу открыл глаза. Его лицо стало спокойным, словно высеченным из того самого базальта на берегу. Царь в нём победил купца.

— Я не торгую своим царством, — тихо сказал он в темноту рубки.

Пальцы легли на клавиши. Он начал вводить данные. Скорострельно, чётко, используя старые коды военной касты, которые помнил на память.

Пакет №1: Полные навигационные данные баллистической кривой полёта «Тариши».

Пакет №2: Плотность атмосферы Земли, состав газов, коэффициент биологической совместимости для высших каст.

Пакет №3: Результаты экспресс-анализа вывернутой породы. Координаты золотоносного узла. Объём — неограничен.

Он отдавал им всё. До последнего символа. Без условий, без требований о пощаде, без просьб об эвакуации. Он бросал эту информацию в лицо Ану, как бросают перчатку перед началом смертельного поединка.

— Ты хотел моей смерти, Ану? — шептал Алалу, вбивая финальный маркер передачи. — Получи свою планету. Спаси свой трон. Но каждый раз, когда твои корабли будут черпать это золото из грязи, ты будешь знать, чья рука указала тебе путь. Ты будешь дышать воздухом, который первым вдохнул я.

Он занёс руку над тяжёлой красной шиной отправки.

Экран мигнул в последний раз. Уровень энергии упал до критического нуля.

— Всё, что вы постройте здесь... всё, что вы возьмёте от этой земли — моё, — произнёс Алалу, и его голос опустился до глухого рокота, похожего на рокот Арены. — Потому что я был первым. Я — закон этого мира.

Он ударил по шине.

Блок аварийной связи отозвался высоким, свистящим пискom. В глубине кормового отсека что-то хлопнуло — последние конденсаторы отдали заряд излучателю и расплавились. Направленный радиоимпульс, пробив свинцовые тучи Земли, ушёл в чёрную пустоту космоса. В сторону Нибиру.

Экран погас. Полностью. Рубка погрузилась в абсолютную, непроглядную тьму.

Алалу не стал выходить наружу. У него больше не было сил.

Он опустился на залитый маслом пол рубки, прислонившись спиной к обгоревшему креслу пилота. Левая рука по-прежнему сжимала холодный, тяжёлый кусок золотого кварца. Металл больше не казался ему чужим — он согрелся от тепла его тела.

Снаружи бушевал ливень. Вода потоками текла через открытый аварийный люк, смывая с палубы копоть, гарь и кровь. Земля забирала корабль себе, очищала его, растворяла космическое железо в своей первобытной сырости.

Алалу закрыл глаза. Ему больше не было страшно.

Ему не было дела до того, придут ли за ним корабли завтра или через сто циклов. Он знал, что цепочка событий запущена, и её уже не остановить. Великая раса Нибиру снимется со своего насиженного, умирающего места и устремится сюда, к этой голубой точке. Они придут как завоеватели, как строители, как господа.

Но они придут в его дом.

Вода у его сапог шумела. Где-то далеко, за пеленой дождя, ревел океан. Алалу засыпал, и в его утасоющем сознании этот рев трансформировался в глухой, утробный рокот Арены.

Но теперь трибуны не требовали его смерти. Они молчали, ожидая его приказа.

Он был изгнанником, у которого отобрали имя и касту. Но здесь, на этом безымянном берегу, под охраной гигантских папоротников, он засыпал как первый бог Земли. Единственный хозяин золотого будущего.

ГЛАВА 4. ПРИКАЗ

Сигнал упал в приёмные буферы Эриду на сорок второй цикл после того, как бронзовые ворота Арены закрылись за спиной изгнанника.

На самой станции дежурного не было. Да и зачем? Старая орбитальная игла «Лагаш» давно выработала свой ресурс. Её антенны, покрытые багровой пылью Нибиру, крутились по инерции, записывая в память лишь монотонный хрип космоса да радиоактивные выплески тускнеющего коричневого карлика. Город внизу задышался, экономя каждый киловатт, и на освещение палуб связи энергии не выделяли.

Когда направленный импульс «Тариши» пробил атмосферные щиты, приёмник даже не завыл. Он лишь сухо щелкнул, фиксируя входящий пакет данных, и зажёл крошечный янтарный диод на панели: «Запись завершена. Сектор Глухой».

Через три цикла техник Шаррум чистил мёртвые буферы.

Шаррум был из касты чернорабочих — игигов. У него были жёлтые от постоянного контакта с очистительными фильтрами белки глаз и сухой, надсадный кашель, который на Нибиру считался профессиональной меткой каждого, кто работал на нижних уровнях. Он сидел в полумраке, лениво стирая гигабайты космического мусора, когда его палец замер над строкой пакета «Тариши».

Шаррум не имел допуска к шифрам высших каст. Но этот сигнал не был зашифрован. Алалу отправлял его на открытой, аварийной частоте колонистов.

Техник взгляделся в мерцающие клинописные знаки.

Плотность атмосферы: 1.2.

Вода: жидкая фаза.

Спектральный анализ грунта: Кварц. Базальт. Аирум.

«Аирум», — прочитал Шаррум по слогам древнее слово. Золото. На языке касты Лидеров это означало жизнь.

У техника перехватило дыхание. По законам Ану, любой из нижних каст, прикоснувшийся к тайнам Совета, подлежал немедленной утилизации в плавильных печах космодрома. Но Шаррум посмотрел на ржавую трубу вентиляции над своей головой, откуда в рубку сочился серый, пахнущий химикатами воздух, и понял: терять ему нечего.

Он не стёр файл. Он скопировал его на ручной геодезический кристалл и, пряча его под засаленный комбинезон, бросился к фильтрационным люкам дворца. Через час кристалл, сменив трое рук и две кастовые ступени, лёг на стол верховного правителя.

— Ты уже знаешь?

Голос Энлиля прозвучал как удар тетивы. Он вошёл в зал Совета без доклада, чеканя шаг тяжёлыми воронеными сапогами. Военный доспех пах мазутом и оружейным лаком — Энлиль только что вернулся из лагерей подавления бунтов в южных шахтах.

Ану сидел на каменном троне. В зале было темно и холодно — отопление дворца урезали наполовину. Единственным источником света была объёмная голограмма, висящая между ними. Маленькая, ядовито-голубая точка медленно вращалась в воздухе, отбрасывая лазурные блики на известняковые стены и на морщины старого царя.

— Я знаю, — тихо ответил Ану, не поднимая глаз от проекции. — Сорок два цикла. Старик долетел.

— Долетел? Он нашёл нам дом! — Энлиль шагнул к столу, его панцирь со звоном коснулся каменной столешницы. — Посмотри на телеметрию, отец. Это не мёртвая луна и не кусок льда на окраине. Там есть кислород. Там есть вода. И там золото — пласты лежат прямо на поверхности, вывернутые ударом его корабля. Нам нужно объявлять мобилизацию Первого флота. Сейчас.

Ану медленно поднял голову. На его седом виске под простым серым обручем билась тонкая вена.

— Ты хочешь отправить Первый флот по координатам, которые прислал человек, которого мы лишили имени, касты и чести? — тихо спросил Ану. — Человек, чьё лицо я приказал соскрести со всех памятных стел в Эриду?

— Какая разница, кто прислал координаты, если это спасение?! — в голосе Энлиля прорезался металл. — Нибиру осталось жить семь циклов, отец. Щит истончился, радиация выжигает верхние ярусы городов. Твои судьи пьют сусло и молятся, а люди на космодромах уже жрут крыс. Алалу дал нам ключ.

— Алалу дал нам петлю, — отрезал Ану. Он поднялся, опираясь на подлокотники, и его фигура показалась огромной в полумраке зала. — Посмотри на этот пакет данных, Энлиль. Ты видишь там хоть одно слово с просьбой о пощаде? Хоть одну строчку с мольбой выслать спасательную капсулу?

Энлиль нахмурился.

— Нет. Там только сухая геодезия.

— Вот именно. Старик переиграл нас на нашей же Арене. Он не просит спасения — он заманивает нас. Он знает, что мы не сможем проигнорировать золото. Он отдал карту даром, чтобы мы прилетели туда не как спасители, а как просители. И когда наши корабли опустятся на этот синий берег, кто встретит нас там? Изгнанник? Нет. Нас встретит хозяин этого мира. Ты готов преклонить колени перед Алалу, сын мой?

Энлиль стиснул зубы так, что на скулах заиграли желваки. Его кулак в тяжёлой перчатке с силой опустил на стол.

— Мне плевать, кем он себя считает. На Земле он один. У него разбитый скаут тридцатицикловой давности и сломанная рука. Когда мои гвардейцы высадутся на этот песок, Алалу отдаст всё, что у него есть, или его кости останутся в той же грязи. Я возглавлю экспедицию.

Ану подошёл к голограмме. Он протянул руку, и его старые, сухие пальцы прошли сквозь голубое свечение Земли.

— Нет, Энлиль. Ты остаёшься здесь.

Военный вождь Нибиру замер. Его глаза, холодные и золотые, сузились.

— Что? Ты отдаёшь приход к новому миру кому-то другому? Кому? Нинтур? Или советникам из касты Судей?

— Энки, — спокойно произнёс Ану. — Твой брат уже получил приказ.

— Энки?! — Энлиль почти выплюнул это имя. — Этот книжник? Твой первенец, который последние три цикла копается в плесени и предлагает лечить атмосферу генетическими фильтрами? Он просил пятьдесят циклов на свои исследования, пока планета вымерзает! Ты отдаёшь флот учёному?

— Земля — это не поле боя, Энлиль, — Ану повернулся к сыну лицом, и его взгляд был жёстким, как обруч на его голове. — Земля — это лаборатория. Там нет армий, которые нужно сокрушать, и нет крепостей, которые нужно штурмовать. Там есть чужая, хищная природа и Алалу, который ждёт именно тебя. Он ждёт, что прилетит палач, и тогда он сможет умереть героем или запустить войну внутри экспедиции. Энки умеет слушать. Энки умеет анализировать. Он не будет резать с плеча. Он договорится. Или перехитрит.

— Я умею держать порядок, — тихо, сдерживая ярость, сказал Энлиль.

— Ты умеешь ломать, — ответил отец. — Ты ломаешь рабочих, ты ломаешь Алалу, и в итоге мы получим не золото, а разорванные контракты и бунт на окраине галактики. Ты нужен мне здесь, на Нибиру. Кто-то должен держать в узле эти голодающие касты, пока Энки будет строить шахты. Ты — мой карающий меч здесь. Брат — мой разум там.

Энлиль молчал. В темноте зала было слышно только, как ровно и страшно зуммируют генераторы дворца, поддерживая жизнь в увядающем теле цивилизации.

— Когда старт? — спросил он наконец. Голос стал сухим, как песок Арены.

— Через три цикла. Энки берёт первую волну. Пятьдесят кораблей.

— Пятьдесят? — Энлиль ушам своим не поверил. — Откуда у нас столько ходовых ресурсов? Мы снимем защиту с дальних рубежей?

— Нет. Мы поднимаем из консервации старые рудовозные баржи игигов. Те самые, что возили мазут на луны. Они грязные, они изношены, но их корпуса выдержат один прыжок. Сами игиги и полетят. Пять тысяч рабочих. Они будут копать эту землю. Они будут жрать этот кислород и добывать золото.

— Пять тысяч черни без надзора армии на чужой планете, — Энлиль коротко, зло рассмеялся. — Ты совершаешь ошибку, отец. Энки захлебнётся в первом же бунте, когда они поймут, что назад дороги нет.

— Энки справится, — отрезал Ану. — Разговор окончен, Энлиль. Иди к своим воинам. Объяви кастам, что Нибиру нашла выход. Нам нужна надежда, даже если она пахнет кровью и грязью.

Энлиль промолчал. Он бросил последний взгляд на лазурную точку Земли, которая теперь казалась ему не спасением, а личным оскорблением. Обида, тяжёлая и острая, как накопчик гвардейского копья, легла ему на сердце.

Он развернулся и пошёл к выходу, шпоры его сандалий со звоном резали тишину коридора.

— Ты нужен здесь, — повторил Ану ему в спину.

Энлиль не обернулся. Бронзовые двери захлопнулись за ним с тяжёлым, глухим стуком.

Ану остался один. Он снова повернулся к голограмме, и лазурный свет Земли полностью залил его старое, усталое лицо.

— Ну что ж, Алалу... — тихо произнёс царь Нибиру в пустом зале. — Ты сделал свой ход. Мы приняли вызов. Посмотрим, кто из нас останется богом этого мира.

ЧАСТЬ II. ЭРИДУ

ГЛАВА 5. БЕРЕГ

Сто сорок циклов Земля пила его кровь, а он ел её плоть.

Каждое утро огромное, бешеное жёлтое солнце выкатывалось из-за зубчатого края океана и выжигало ему глаза. Каждый вечер он провожал его до горизонта, сидя на крыше засыпанной песком «Тариши». На Нибиру время текло иначе — плавно, размеренно, подчинённое искусственному пульсу центральных генераторов. Здесь времени не было. Было лишь чередование невыносимого зноя, удушливой сырости и ледяных ночных ливней, во время которых огромные папоротники гнулись к самой воде, словно молились беззвучным богам.

Алалу стоял на скалистом уступе, скрытый раскидистыми ветвями доисторического хвоща. Он больше не был похож на касту Лидеров. Одежда из плотного синего полимера, когда-то бывшая парадным комбинезоном правителя, превратилась в жёсткие, пропитанные солью и рыбьим жиром лохмотья. Кожа на плечах и груди, сожжённая радиацией и местным солнцем, сошла трижды, пока не превратилась в бурую, потрескавшуюся корку, похожую на кору деревьев, среди которых он прятался.

Волосы, когда-то уложенные по канонам дворцовой знати, выцвели до седины, сваялись в тяжёлые, пахнущие копотью колтуны и спускались до лопаток. На правом бедре, удерживаемый ремнём из сыромятной кожи какого-то пойманного в притине земного гада, висел его главный инструмент — тяжёлый, грубо обколотый осколок чёрного кварца, наточенный о прибрежные валуны.

В левой руке он держал кусок полусырой, вяленой на солнце рыбы. Его зубы — три из которых он выбил, когда пытался разгрызть раковину местного моллюска — вонзились в волокнистое мясо.

Он замер. Рука с рыбой застыла у самого рта.

Мир вокруг него внезапно замолчал. Это было самое страшное на Земле — когда затыкался папоротниковый лес. Перестали кричать чешуйчатые твари в болотах, затих свист мелких крылатых ящериц в кронах. Даже прибой, казалось, замедлил свой вечный, монотонный бег.

Алалу медленно поднял голову. Небо над океаном, обычно грязно-серое перед полуденным штормом, начало плавиться.

Сначала на границе видимости, там, где разреженная стратосфера переходила в черную пустоту, появились белые искры. Они двигались клином, слишком ровно, слишком целенаправленно для метеоритного роя. И искры эти оставляли за собой инверсионные хвосты — жирные, грязные полосы химического дыма, которые резали вековые облака Земли, как ножи режут сырое сало.

А потом пришёл звук.

Это не был гром. Это был низкий, утробный, вибрирующий гул, от которого задрожал скалистый уступ под босыми, покрытыми мозолями ногами Алалу. Звук шёл из самой утробы неба, он давил на барабанные перепонки, заставляя кровь приливать к вискам.

Алалу медленно опустил руку с рыбой. Пальцы разжались, и полусъеденный кусок упал в мокрую грязь у его ног. Он не заметил этого. Всё его существо, весь тот остаток разума Нибиру, который он бережно хранил внутри себя эти сто сорок циклов, сейчас сжался в одну звенящую точку.

— Пришли... — выдохнул он.

Из его горла вырвался не человеческий голос, а хриплый, сухой шорох, похожий на треск ломающегося сушняка. Он не разговаривал слишком долго. Единственным его собеседником все эти циклы был рев прибора да собственное безумие, шептавшее на ухо по ночам голоса мёртвых министров.

Они пробивали облака группами по пять машин.

Это не был парадный флот Ану — сверкающие серебром крейсера касты Воинов остались охранять пустеющие орбиты Нибиру. То, что падало сейчас на Землю, представляло собой страшное, величественное зрелище нищеты и отчаяния умирающей цивилизации.

Тяжёлые, пузатые, угловатые рудовозные баржи игигов. Пятьдесят ржавых, наскоро залатанных в доках Эриду корыт, созданных лишь для одной цели — таскать жидкий мазут и тяжёлую руду с лун-рудников. Их титановая обшивка была покрыта багровыми пятнами окалины; от некоторых кораблей в полете отваливались целые листы тепловой защиты, с шипением и свистом улета в кипящий океан.

Атмосфера Земли сопротивлялась им. Она обволакивала каждую баржу плотным, яростно горящим коконом плазмы. Небо стало оранжевым, затем грязно-красным. Воздух мгновенно пропитался запахом озона, горелой проводки и химического выхлопа старых двигателей «Лагаш».

Первая пятёрка рудовозов пошла на снижение прямо над зеркалом залива. Их тормозные дюзы ударили вниз многометровыми столбами фиолетового пламени. В ту же секунду океан вскипел. Огромные столбы белого пара взметнулись к облакам, закрывая видимость. Звуковой удар колоссальной мощности прошёл по побережью.

Вековые папоротники на глазах Алалу лопались у корней, не выдерживая давления воздуха. Земля под ногами ходила ходуном, словно проснулся древний вулкан.

Алалу вцепился обеими руками в ствол поваленного хвоща, чувствуя, как горячая взрывная волна треплет его свалившиеся волосы, как обжигает лицо паром, несущим запахи родного, технического, мёртвого мира. Этот запах — запах перегретого металла и отработанного гидразина — показался ему сейчас слаще, чем аромат всех земных цветов.

Баржи садились грубо. Без навигаторов, без посадочных маяков, руководствуясь лишь теми старыми координатами, которые Алалу вбил в аварийный блок связи «Тариши» перед тем, как тот сгорел.

Один из тяжёлых рудовозов, потеряв управление из-за отказа левого стабилизатора, рухнул в воду в полумиле от берега. Поднялась колоссальная, локтей в тридцать высотой, грязно-серая волна. Она пошла к берегу, слизывая песок, переворачивая прибрежные камни, затапливая низины. Но корабль не затонул — он сел на мель, его разорванное брюхо продолжало изрыгать клубы чёрного дыма. Остальные сорок девять машин, тяжело отдуваясь гидравликой и свистя остывающими турбинами, заполнили всю песчаную косу. Они заблокировали море, они смяли папоротниковый лес, они превратили девственный берег в гигантскую, закопченную промзону.

Лязг. Гудение. Визг остывающего металла.

И затем — тишина. Тяжёлая, противоестественная тишина, нарушаемая лишь глухим урчанием остывающих реакторов. Пятьдесят железных монстров замерли в грязи чужого мира.

Алалу не двигался. Он наблюдал. Из своего укрытия он видел, как на флагманской барже, застрявшей носом в прибрежном иле, медленно, со страшным скрежетом поползла вниз кормовая аппарель. Из темноты трюма вырвался столб белого гидролизного пара.

Первыми на песок ступили существа в скафандрах высшей защиты. Тяжёлые, громоздкие костюмы касты Лидеров, со свинцовыми пластинами и тройными фильтрационными коробками на груди. Они двигались неуклюже, осторожно переставляя толстые сапоги по земной грязи. В руках они держали короткие лучевые разрядники — они ждали нападения. Они не знали этого мира. Они боялись его. По их позам, по тому, как они испуганно дёргали головами

при каждом крике выживших в глубине леса птиц, Алалу видел их слабость. Они прилетели сюда как в преисподнюю.

Но вслед за ними из трюмов остальных барж хлынула лавина.

Игиги. Тысячи. Пять тысяч серых, исхудавших тел. На них не было скафандров — лишь лёгкие респираторы, закрывающие нос и рот, да защитные очки, спасающие от пыли шахт. Каста чернорабочих. Люди, которые родились в подземных туннелях Нибиру и никогда не видели ничего, кроме металлических потолков и капающего с кабелей конденсата.

Они вываливались на аппарели, толкая друг друга, падая в мокрый песок. Некоторые из них, коснувшись руками земной грязи, испуганно отдёргивали пальцы, словно обжёгшись. Другие — срывали с лиц респираторы, плевать хотел на приказы надсмотрщиков.

Алалу видел, как один молодой рабочий, упав на колени у самой кромки прибора, зачерпнул горсть серой воды, поднёс к лицу, понюхал и вдруг зарыдал, размазывая грязь по бледному, не видевшему настоящего света лицу. Воздух Земли — плотный, перенасыщенный кислородом, пахнувший гнилью и жизнью — пьянил их. Они задыхались от его избытка, они кашляли, они падали навзничь, глядя на тяжёлые свинцовые тучи, сквозь которые пробивались первые лучи жёлтого солнца.

Для них это был не просто новый мир. Это был шок, стирающий кастовые законы. Надсмотрщики с плетями из гибкого полимера пытались построить их в шеренги, но игиги не слушали. Они смотрели вверх. На птиц. На деревья. На простор, у которого не было стен.

И посреди этого хаоса, на палубе флагмана, появился человек без маски.

На нём не было тяжёлого доспеха Воинов и не было скафандра. Простая туника из серого шёлка касты Судей, перехваченная на поясе кожаным шнуром. Высокий, худощавый, с тонкими, почти женскими пальцами и длинными тёмными волосами, тронутыми сединой на висках.

Энки. Первенец Ану. Учёный, который предпочитал тишину библиотек шуму Арены.

Он сошёл по аппарели медленно, не глядя под ноги. Его сандалии ступили на мокрый земной песок. Энки остановился, закрыл глаза и сделал глубокий, затяжной вдох. Его грудная клетка поднялась, задержалась на мгновение, и он выдохнул, чуть улыбнувшись краями губ. Он не боялся этой планеты. Он изучал её по сухим строчкам сигнала Алалу, и теперь, оказавшись здесь, он принимал её как подтверждение своих теорий.

Алалу вышел из зарослей папоротника.

Он не прятался больше. Он спускался по песчаному склону уступа медленно, опираясь на суковатую ветку, которую использовал вместо трости. Появление дикаря заметили не сразу — все были заняты разгрузкой тяжёлых платформ и наведением порядка среди беснующейся черни.

Но один из гвардейцев в тяжёлом скафандре крутанул головой, заметил движение со стороны леса и вскинул разрядник.

— Стой! — его голос, усиленный мембраной шлема, прозвучал грязно и неестественно. — Назад, местная тварь!

Энки повернулся на крик. Его глаза — умные, глубоко посаженные, цвета тёмного янтаря — расширились, когда он разглядел фигуру, приближающуюся к ним по пляжу. Он поднял руку, останавливая гвардейца.

— Опусти оружие, — тихо сказал Энки. Его живой голос, не испорченный фильтрами, долетел до Алалу сквозь шум прибора. — Это не тварь.

Они остановились друг против друга в тридцати шагах.

Контраст был страшным. Энки — чистый, утончённый, пахнувший дорогими маслами Нибиру, символ увядающего, но всё ещё великого величия столицы. И Алалу — обросший шерстью, покрытый шрамами и мазутной гарью, с заскорузлыми пальцами, сжимающими

кусок кварцевого ножа. Изгнанный царь выглядел как древнее божество этого берега, восставшее из самого ила, чтобы потребовать дань.

Алалу попытался сказать что-то, но из горла вырвался лишь сухой, лающий звук. Он сглотнул, прижал левую руку к горлу, заставляя связки вспомнить старую речь.

— Ты... пришёл... — вытолкнул он наконец слова. Каждое слово давалось с болью, словно он выплёвывал камни. — Сын Ану.

— Я пришёл, Алалу, — Энки сделал два шага вперёд, сокращая дистанцию. В его взгляде не было брезгливости. Было лишь глубокое, почти медицинское любопытство и капля уважения, которую трудно было скрыть. — Сто сорок циклов. Мои расчёты показывали, что вероятность твоего выживания здесь составляла менее трёх процентов. Я рад, что мои формулы ошиблись.

Алалу хмыкнул. Смех вышел уродливым, похожим на кашель старого хищника.

— Твои формулы... не учитывали... золото, — Алалу указал тростью в сторону траншеи, где под ржавым корпусом одной из барж виднелись вывернутые куски кварца с жёлтыми венами. — Оно держит... крепче, чем твои формулы, мальчик.

Энки проследил за его взглядом. При виде золотой жилы, открыто сияющей под серым небом Земли, его лицо не изменилось — он знал, зачем летел. Но в глазах гвардейцев, стоявших за его спиной, вспыхнул тот самый голодный, нездоровый блеск, который Алалу видел тысячи раз на Нибиру.

— Сигнал был точным, — кивнул Энки. — Состав, плотность, координаты — всё совпало. Ану принял твои данные. Нибиру готовит вторую волну. Но эту, первую, поручили мне.

— Я знаю, почему ты, — Алалу переступил с ноги на ногу, его мозолистые подошвы глубоко ушли в мокрый песок. — Энлиль... хотел прийти с мечом. Но Ану побоялся... что его меч сломает... золотую курицу. Он прислал тебя. Торговца. Учёного.

— Он прислал того, кто сможет построить здесь Эриду, — мягко поправил его Энки. — Дом вдали от дома. Нам нужно добыть первую партию металла за тридцать циклов, Алалу. Иначе щит Нибиру рухнет окончательно. Мои люди истощены. Мне нужны твои знания об этой планете. Где безопасные места? Где источники пресной воды? Какие твари живут в этих лесах?

Алалу молчал. Он смотрел за спину Энки — туда, где пять тысяч игигов уже растаскивали тяжёлые ящики с инструментами, где ржавые рудовозы вгрызались лапами-опорами в его песчаный берег. Они уже начали переделывать этот мир под себя. Они не спрашивали разрешения. Они пришли брать.

— Я покажу, — сказал Алалу. Голос его становился ровнее, память касты Лидеров возвращалась к нему. — Я отдам вам карты. Я научу твоих рабочих... отличать ядовитый хвощ от съедобного. Я покажу, где скальные породы безопасны от приливов. Но у меня есть условие, Энки. И если ты его не примешь, я уйду вглубь материка, и твои люди сгниют в этих болотах прежде, чем найдут вторую жилу.

Энки сузил глаза. Он понимал, что старик не блефует. За сто сорок циклов этот человек стал частью экосистемы. Он знал каждый шорох этого леса.

— Какое условие, Алалу? Ты хочешь возвращения на Нибиру? Прощения Совета? Трон тебе никто не вернёт, ты сам это понимаешь. Ану сидит крепко.

Алалу запрокинул голову и рассмеялся. На этот раз смех был громким, диким, разносившимся над заливом, перекрывая гул реакторов. Игиги на мгновение перестали работать и испуганно уставились на волосатого дикаря, который смеялся в лицо первенцу царя.

— Вернуться? — Алалу отсмеялся, вытирая слезу грязным пальцем. — В этот склеп? В эти железные туннели, где воздух пахнет тухлой химией, а люди жрут сусло и боятся вздохнуть без приказа Судей? Нет, Энки. Я был царём Нибиру, и я знаю цену этому трону. Это цена раба, сидящего на золотом унитаза.

Он зычно ударил своей тростью по песку.

— Я остаюсь здесь. Это моё условие.

Энки нахмурился, не понимая.

— Ты хочешь жить среди этих папоротников? Один? До конца дней?

— Я не один, — Алалу обвел рукой горизонт — серый океан, бескрайнее свинцовое небо, далёкие вершины гор, окутанные туманом. — Это мой мир, Энки. Я вдохнул его воздух первым. Я пролил здесь кровь первым. Я назвал этот берег своим. Вы можете копать моё золото. Вы можете строить свои ржавые бараки и называть их Эриду или как вам угодно. Но когда ваши корабли наполнятся металлом и улетят назад, к вашему умирающему карлику... я останусь здесь. Мои кости лягут в этот песок. Моя грязь станет частью этой земли. Я хочу умереть на свободе.

Энки долго смотрел на него. В его глазах отражалась сложная внутренняя работа — он взвешивал риски, просчитывал варианты. Алалу-изгнанник, добровольно отказывающийся от камбэка в цивилизацию, был для Ану идеальным решением. Никаких заговоров, никаких судебных процессов, никакой памяти о прошлом перевороте. Мертвец, который согласился остаться в могиле и при этом работать смотрителем кладбища.

— Хорошо, — Энки протянул руку. Его ладонь — белая, гладкая — застыла в воздухе между ними. — По законам Нибиру и по праву первенца Ану, я принимаю твоё условие. Ты остаёшься здесь. Навсегда. Твоё имя не будет упомянуто в отчетах Совета. Для Нибиру ты погиб при крушении «Тариши». Но здесь, на Земле, ты получишь всё, что тебе нужно для выживания.

Алалу посмотрел на его протянутую ладонь. Он не поднял свою левую руку для кастового приветствия. Вместо этого он вонзил свой кварцевый нож в песок прямо между ними.

— Нам не нужны печати Совета, мальчик, — тихо сказал Алалу. — Земля уже поставила на мне свою печать. Иди к своим рабочим. Они задыхаются без твоих команд. А завтра на рассвете... на том рассвете, который ты сегодня встретил впервые... я приду к твоему шатру. И мы начнём копать.

Он повернулся спиной к Энки, не боясь лучевого удара в затылок. Он знал, что Энки не убьёт его — Энки слишком бережлив для бессмысленных убийств.

Босые ноги Алалу оставляли глубокие, чёткие следы на прибрежной полосе. Он шёл вдоль пятидесяти ржавых барж, мимо тысяч игигов, которые смотрели на него с суеверным страхом. Они видели в нём то, чем сами тайно мечтали стать — существо, которое смогло выжить без опеки и диктата кастового щита.

Земля принимала их всех — жадных, испуганных, технологичных мертвецов, прилетевших за спасением своей далёкой родины. Но Алалу, шагая по мокрому песку к останкам своей «Тариши», знал главную тайну этого мира, которую Энки ещё только предстояло открыть.

Эта планета не принадлежала Нибиру. И никогда не будет принадлежать. Можно вычерпать из её недр всё золото, можно построить здесь каменные города и назвать их именами богов, но в конце концов Земля переварит их всех. Их технологии станут ржавчиной, их скафандры — прахом, а их великая кастовая история — сказками для дикарей, которые будут ходить по этому берегу через тысячи лет после того, как последняя баржа поднимет свои ржавые борты и уйдёт в чёрную пустоту.

Алалу улыбнулся своими сломанными зубами, входя в тень папоротникового леса.

Строительство Эриду началось. Но хозяин у этого дома был только один.

ГЛАВА 6. ПЕРВАЯ НОЧЬ

Она появилась на юте, когда солнце окончательно захлебнулось в свинцовой глади океана, оставив на горизонте лишь багровую полосу — узкую, сочащуюся светом, будто затягивающийся шрам на брюхе неба.

Энки стоял у поручней флагманской баржи, навалившись на них всем грузом изнурённого тела. Его ладони прилипали к металлу, покрытому ледяной коркой и налётом горькой морской соли. Железо под пальцами было мёртвым, но подошвы сапог улавливали глухую, предсмертную дрожь в глубине корпуса — там остывали реакторы «Лагаша», рудиментарным, затухающим ритмом напоминая о доме.

Дома больше не было. Был только этот берег.

Энки смотрел вниз, туда, где ржавые кили их флота вспороли девственный песок. В наплывающей темноте Земля казалась колоссальным, затаившим дыхание зверем. Она позволила им высадиться, но ещё не решила: сожрать пришельцев прямо сейчас или дождаться рассвета.

Там, внизу, у самой кромки прибоя, копошились игиги. Тысячи бледных, измождённых тел, впервые в жизни вырвавшихся из-под низких сводов подземных ярусов, строили свой первый лагерь. Гул тяжёлых дизелей, пронзительный визг лебёдок, глухие удары кувалд, вбивающих титановые колья в мокрый грунт — всё это прессовалось в душный, монотонный шум. Воздух над побережьем стоял густой, почти осязаемый: в нём варились мазутная гарь, кислый пот испуганной толпы и тяжёлый, гнилостный запах йода.

Она подошла беззвучно.

Энки не услышал её шагов — грохот плацдарма скрадывал любые звуки. Он почувствовал её кожей. Воздух за спиной вдруг стал плотным, сухим и горячим, словно приоткрылась дверца плавильной печи. От неё пахло Нибиру — стерильной прохладой медицинских блоков и озоновой пылью архивов. Здесь, среди первобытных испарений чужого болота, этот запах казался нелепым анахронизмом.

Тёплые пальцы легли на его плечо, сжав сукно туники.

— Ты не спишь, — сказала Нинхурсаг.

Это не было вопросом. Она знала его слишком хорошо. С тех самых пор, как они детьми часами сидели на смотровых площадках, дожидаясь возвращения отцов из дальних секторов, она помнила: Энки всегда засыпает последним.

— Не могу, — ответил он, не оборачиваясь. Голос треснул, и он с силой откашлялся, выплёвывая скопившуюся в горле слюзу. — Здесь слишком громко.

Нинхурсаг шагнула вперёд, встав вплотную к перилам. В наступивших сумерках её лицо казалось вырезанным из серого известняка, и только в расширенных зрачках дрожали багровые точки — отсветы костров, которые жгла на берегу чернь.

— Громко? — она едва заметно повела подбородком в сторону стены папоротникового леса. — Ты про этих тварей? Слышишь, как они воют в чащобе?

— Они воют, потому что они живые. Это их земля, у них есть право на этот крик, — Энки сжал поручни так, что металл жалобно звякнул. — Мне мешает другое, Нин. Визг наших машин. Лай надсмотрщиков. Этот проклятый скрежет металла о песок. Это не шум Земли. Это шум нашей старой смерти. Мы притащили Нибиру с собой на подошвах. Привезли свой гнилой, разваливающийся механизм и теперь пытаемся вбить его кувалдами в живое мясо этого мира.

— Мы привезли сюда спасение для расы, — отрезала она. Голос её оставался ровным, но пальцы на его плече напряглись.

Энки медленно повернул к ней голову. В полумраке её силуэт казался натянутой струной.

— Ты скучаешь по дому? — тихо спросила она.

Пауза разрослась между ними, тяжёлая и холодная. Океан с тихим хлюпаньем лизал борта баржи. Из лесной глуши донёлся хриплый, торжествующий клёкот какого-то ночного хищника.

— По чему именно я должен скучать? — Энки снова отвернулся к воде. — По воздуху, который регенераторы гоняют по кругу сотый раз, пока он не начинает вонять химией и чужими лёгкими? По небу, на которое нельзя взглянуть без защитных линз, чтобы не выжгло сетчатку? По Нибиру, где Совет считает каждый твой вдох, чтобы ты, упаси Ану, не потратил лишний кубик кислорода из чужого пайка?

— Это наш дом, — в голосе Нинхурсаг проступила глухая, свинцовая усталость. — Там отец. Там наши законы.

— Корни, которые давно сгнили в сухом грунте, — Энки резко выпрямился, расправив узкие плечи. — Дом — это место, куда есть смысл возвращаться. Мы не вернёмся, Нин. Прекрати врать себе. Семь циклов, которые Утнапиштим отмерил нашему атмосферному щиту — это сказка для дураков из Совета. Если мы не дадим им золото через три цикла, купол начнёт осыпаться радиационным дождём. Но даже если дадим... Это петля. Мы будем выкачивать этот мир досуха, пока не сойдём с ума. Мы останемся здесь. Мы сгнием здесь. И наши кости лягут в этот песок.

— Откуда в тебе эта обречённость?

— Я умею читать сухие цифры отчётов, — его голос упал до шелеста волны. — Всё, что мы делаем — лишь короткая отсрочка. Но подышать там, в верхних ярусах, смердя собственной мочой и молясь, чтобы к утру не встали насосы... Нет. Здесь, под открытым небом, на этом безымянном берегу — это хотя бы честная смерть. Смерть без протокола.

Он замолчал. С берега, прорываясь сквозь дизельный чад, долетели звуки песни. Игиги пели — слаженно, хрипло, вкладывая в простые слова всю злобу касты неприкасаемых. Это была старая шахтёрская баллада о том, как тяжело гнуть спину под землёй и как легко дышится тем, кто наверху. Они пели взхлёб, срывая глотки, наслаждаясь тем, что воздух вокруг бесплатный.

Ветер рвал её тунику, прижимая ткань к телу и снова отпуская. Энки чувствовал, как от холода немеют пальцы, но не прятал руки в рукава. Эта резкая, чистая боль возвращала ему ощущение реальности.

— Ты ходил к нему, — нарушила молчание Нинхурсаг. — К Алалу.

— Ходил. С ним тяжело. Сто сорок циклов в одиночестве среди этих болот.

— Он безумен, — она передёрнула плечами. — Земля выжгла ему разум. А этот чистый кислород... он действует на них как наркотик, Энки. Я видела внизу рабочих. Они сдирают респираторы, забивают лёгкие этой сыростью и смеются как идиоты. У них галлюцинации. Они называют этот ад раем.

— А разве это не рай? — Энки обвёл рукой чёрный, уходящий в бесконечность горизонт. — Здесь нет надсмотрщиков с электрохлыстами. Нет лимитов на воду. Дыши, пока лёгкие не лопнут. Безумие Алалу — это не болезнь, Нин. Это судорога свободы. Человек слишком долго сидел в клетке, и когда её открыли, у него просто остановилось сердце.

— И что тебе сказал этот свободный человек?

Энки горько усмехнулся. Звук получился сухим, похожим на хруст сломанной ветки.

— Он стоял на скале и смотрел, как наши рудовозы вгрызаются в берег. А потом повернулся ко мне и сказал то, от чего у меня до сих пор зубы сводит. Он сказал: «Вы пришли сюда с мечами и ведрами для золота, мальчики. Вы думаете, что эта планета — ваша. Но вы ошиблись. Мы здесь — всего лишь случайные гости. И гости должны уходить, когда праздник кончается». Алалу не хочет назад. Он хочет сдохнуть именно здесь. Чтобы его плоть сожрали здешние черви.

Нинхурсаг сделала шаг вплотную, прижавшись бедром к его бедру. Под тонкой кожей её лица перекатывались желваки, глаза превратились в узкие щели. Ей было страшно — впервые за всё время экспедиции.

— И ты... ты веришь этому ренегату? — её голос опасно вибрировал.

Энки промолчал, продолжая следить за кострами на песке.

— Мы не удержим этот мир, Нин. Алалу прав. Эти джунгли, эти бездонные океаны, это бешеное солнце — они пережуют нашу цивилизацию, выплюнут ржавые шестерёнки и даже не заметят, что мы были здесь. Мы заберём своё золото и сбежим. Сбежим обратно в свой стерильный склеп.

Нинхурсаг долго всматривалась в чернильную воду, туда, где под поверхностью лениво загорались и гасли изумрудные искры фосфоресцирующего планктона.

— Ты боишься, — выдохнула она, и её пальцы мёртвой хваткой вцепились в его ладонь. — Ты боишься, что корабли не смогут взлететь. Что мы увязнем в этой грязи. Что Земля станет для нас братской могилой.

Энки резко повернулся к ней, перехватив её запястье. Их глаза встретились — в его взгляде была такая плотная, концентрированная горечь, словно он прожил те самые сто сорок циклов в одиночестве.

— Я боюсь совсем другого, Нин, — отдельно, с трудом выталкивая слова сквозь сжатые зубы, произнес он. — Я боюсь, что мы сможем улететь. Что мы вернёмся на Нибиру, запрёмся в своих каменных норах, и наши золотые чертоги покажутся нам карцером. Этот воздух, эта дикая вода, это безумное небо — они уже просачиваются под кожу. Они меняют состав нашей крови. Я не смогу больше существовать там, где каждый глоток воздуха пахнет чужой смертью.

— Ты влюбился в этот мир, — тихо, почти испуганно произнесла она. — Ты сам ещё не понял, но ты пропал, Энки.

— Я люблю это проклятое небо, — сознался он, и плечи его опустились. — Люблю эту воду. Этот невыносимый запах гниющей травы, соли и шторма. У меня нет для этого слов в наших реестрах. Но я знаю: я хочу, чтобы мои дети родились здесь. Без датчиков на груди. Без страха перед завтрашним отключением фильтров. Я летел сюда не ради спасения Совета. Я летел ради этого чертовского первого вздоха без маски.

Нинхурсаг замерла. В зале Совета за такие слова его лишили бы касты и сослали в нижние очистные контуры до конца дней. Но здесь, над бурлящим первобытным океаном, её пальцы, прижатые к его руке, крупно задрожали. В её глазах страх медленно уступал место какому-то тёмному, безумному восторгу.

— Тогда мы не вернёмся, — сказала она.

Энки затаил дыхание. Время словно остановилось; даже генераторы на берегу на секунду смолкли.

— Ты понимаешь, что говоришь? — прошептал он.

— Я никогда не была так вменяема, — её лицо обрело пугающую, хищную чёткость. — Я изучила этот берег. Я сделала первые пробы воздуха. И я скорее вскрою себе вены этим кварцевым ножом Алалу, чем вернусь в распределительные отсеки, где твой праведный брат Энлиль режет кислород на пайки для послушных.

— Они объявят охоту, — напомнил Энки. — Отец не простит. У Энлиля пятьдесят выкидных катеров и батальоны надсмотрщиков. Мы — кровь Ану, Нин. Нас не отпустят просто так.

— Они не найдут нас, — в её голосе прорезалась холодная, математическая жестокость, свойственная её медицинской касте, но лишённая слепой ярости брата. — Когда пойдёт последний рудовоз, заполненный золотом под завязку, мы просто не поднимемся на борт. Мы уйдём вглубь этого огромного материка. Затеряемся в складках этих гор, растворимся в лесах.

Пусть считают нас погибшими. Мы станем дикарями. Изгнанниками. Но мы будем первыми, кто пустит здесь корни.

Энки молчал. Ветер трепал его отросшие волосы, бросая их на глаза. Далеко на горизонте, раскалывая ночную тьму, беззвучно расцвела фиолетовая ветка молнии. Через долгие десять ударов сердца палубу накрыло плотным, тяжёлым грохотом — Земля подала голос.

— Мы потеряем всё, — предупредил он, всматриваясь в её зрачки. — Статус. Бессмертие наших лабораторий. Память предков. Мы станем грязными, смертными тварями, засыпающими со страхом перед тем, что сидит в этих зарослях.

— Мы перестанем быть ануннаками, — согласилась она, и губы её тронула безумная улыбка. — Но мы станем людьми. Живыми людьми.

Она мягко высвободила свои пальцы из его ладони.

И запела.

Голос Нинхурсаг, привыкший к стерильной тишине исследовательских центров и высокомерной, чеканной речи элиты, сперва дрогнул, сорвался на непривычно низкой, грязной ноте, но тут же налился чужой, утробной силой. Она перенимала хрип черни. Это была та самая запрещённая шахтёрская песня, которую игиги пели в темноте забоев Нибиру, прячась от тепловизоров стражи.

Внизу, на песчаной косе, рабочие у костров замерли. Тысячи бледных лиц повернулись к флагманской барже. А затем побережье взорвалось. Песню подхватили сорванные, хриплые голоса тысяч мужчин и женщин. Они орали в полную силу лёгких, забывая грохот дизелей, забывая рокот наступающего шторма.

Они пели о небе, которого никогда не видели, и о свободе, которую им никто не обещал.

Энки смотрел на это бушующее человеческое море у подножия корабля и чувствовал, как внутри него рушится последняя стена. Они больше не были колонизаторами. Они стали частью этого дикого берега.

Первый земной шторм ударил по лагерю мгновенно. Тяжёлые, холодные капли ливня обрушились на палубу. Вода хлынула Энки за шиворот, потекла по щекам, смешиваясь с горьким потом. На Нибиру вода была мёртвой — дистиллят, прошедший через тысячи фильтрационных контуров, пахнувший пластиком и чужими телами. Этот ливень пах озоном, горечью и чистой электрической яростью.

Энки слизнул каплю с губы — она горчила настоящей, не укрощённой жизнью. Он не стал вытирать лицо. Он просто стоял под этим ливнем, глядя в небо, которое не требовало фильтров, и смеялся.

Ветер взвыл, с мясом вырывая титановые кольца и сшибая брезентовые тенты лагеря. Игиги внизу метались в панике, спасая оборудование.

Но Энки и Нинхурсаг продолжали стоять у поручней ржавого корабля, намертво сцепив пальцы. Они не ушли в сухую рубку.

Они стояли под этим ливнем, не ища укрытия, и смотрели, как их новый мир принимает их — грубо, мокро, без пощады.

Без страха. Без фильтров. Навсегда.

ГЛАВА 7. АБЗУ

Первые шестьдесят земных суток они вообще не прикасались к породе.

В глубоких расселинах, пробитых среди вековых папоротников, тяжело и сыто гудели проходческие комбайны. Их резцы из наведённого титана, усиленные лазерными кристаллами, с лёгкостью горячего ножа вгрызались в древний гранит, оставляя после себя идеально ровные, зеркальные стены штолен. Гравитационные ковши поднимали наверх тонны влажного грунта. Над просеками, едва слышно шелестя антигравитационными подушками, скользили грузовые платформы, перетаскивая серую породу к береговым обогащательным модулям.

Игиги — бледные, с залёгшими тенями под глазами — стояли на уступах карьера, скрепив руки на груди. Они просто смотрели. Они жадно впитывали иллюзию легкости, соблазнялись мыслью, что машины сделают за них всю грязную работу.

— Всё идёт быстрее наших расчётов, — Энки стоял на смотровом мостике, глядя, как в приёмные бункеры сыплется первый тяжёлый концентрат. Жирный, тускло-жёлтый песок — золотая кровь Земли. — Если удержим темп, первый рудовоз уйдёт на орбиту уже к концу цикла.

Нинхурсаг, стоявшая рядом в стерильном белом комбинезоне, не разделяла его восторга. Она подняла лицо к небу, ловя кожей влажную взвесь.

— Мы насилуем этот мир, Энки. Слишком грубо, слишком быстро.

— Наш мир задыхается, Нин. У нас нет времени на деликатность.

Чуть поодаль, на обломке скалы, сидел Алалу. Бывший царь молчал. Он завернулся в рваный плащ из шкуры какого-то здешнего гада и молча смотрел, как титановые зубы механизмов рвут чрево земли, которую он сто сорок циклов считал своей тюрьмой. В его молчании не было злобы — только глухое, пугающее ожидание.

Земля ответила на семидесятые сутки.

Сначала Энки списал это на банальную усталость материала. На утренней смене ведущий комбайн вдруг снизил обороты, издав протяжный, вибрирующий скрежет. Когда кристалл главного излучателя извлекли из гнезда, Энки не поверил своим глазам. Прозрачное углеродное тело, выращенное в невесомости орбитальных верфей Нибиру, помутнело. Внутри него, подобно застывшему дыму, ветвилась густая паутина микротрещин.

— Это не износ, — Энки положил тяжёлый гранёный брусок на лабораторный стол. — Это деструкция решётки.

Нинхурсаг наклонилась над предметным стеклом микроскопа.

— Атмосфера?

— Азот и чёртова планетарная сырость, — Энки со злостью потёр воспалённые от недосыпа глаза. — Мы проверяли этот воздух на пригодность для наших лёгких, Нин. Но мы не учли, что здешний тяжёлый азот в сочетании с диким процентом кислорода и влаги действует на квантовую оптику как яд. Происходит насыщение и охрупчивание ядра. Кристаллы «задыхаются». Они теряют способность фокусировать поток и трескаются от собственного тепла.

— У нас есть запасные модули в трюмах «Лагаша».

— Их хватит на полгода. Может, на восемьдесят суток, если снизим нагрузку. А дальше автоматика превратится в грудку ржавого железа.

Нинхурсаг побледнела. Её пальцы коснулись помутневшей грани кристалла.

— Нужно слать катер на Нибиру. Пусть Совет перенастроит синтезаторы на верфях. Нужны допированные кристаллы, устойчивые к азотной среде.

— Сигнал в один конец идёт четыре месяца, Нин. Корабль с грузом — ещё столько же. К тому времени, как помощь прибудет, мы здесь либо передохнем от голода, либо вернёмся в каменный век.

Энки взял со стола кристалл и с силой сжал его в кулаке. Острые грани полопавшейся структуры порезали кожу, и на стол закапала тёмная, густая кровь ануннака — как тёмный рубин.

— Нам придётся спустить игигов в шахты.

На сотый день техника встала окончательно.

Последний проходческий комбайн заглох посреди главной штольни, издав предсмертный хрип — как доисторический зверь, который не хочет отпускать жизнь. Его лазерная головка погасла, оставив лезвие намертво заклиненным в гранитном пласте. Гравитационные экскаваторы бессильно опустили стрелы в грязь. Платформы с глухим стуком повалились на брюхо — их антигравитационные блоки выгорели один за другим.

Над Абзу — так Энки назвал эту глубокую, сочащуюся грунтовыми водами бездну — повисла мёртвая, вакуумная тишина. Больше не было гула цивилизации. Был только рокот прибоя и крики ночных тварей в папоротниковых зарослях.

Тысячи игигов столпились у края карьера. Они смотрели вниз, на замершие туши мёртвых машин, и молчали. В этой тишине зрел бунт.

Энки спустился на дно траншеи сам. Его дорогой комбинезон касты Лидеров был по колено вымазан в бурой земной глине. В руках он держал предмет, который заставил толпу вздрогнуть — тяжёлую, грубо выкованную кирку, сделанную из переплавленной брони десантного челнока. Оружие мести этому миру.

— Автоматики больше нет, — громко сказал Энки, и его голос эхом отразился от каменных стен Абзу. — Но золото по-прежнему там, под нами. И мы выковыряем его.

— Мы прилетели сюда на кораблях, которые пробивают пространство! — выкрикнул из толпы рослый рабочий, чьё лицо было покрыто язвами от здешнего солнца. — Мы — каста строителей, а не черви! Ты хочешь, чтобы мы ломали ногти о здешний гранит?

Энки сделал шаг вперёд, втыкая остриё кирки в землю у ног рабочего.

— Ты будешь ломать ногти, потому что ты хочешь жить, — тихо, но так, что услышали все, произнёс Энки. — Альтернатива одна: ты можешь подняться на «Лагаш» и ждать отправки домой. Но помни — на Нибиру воздух выдают по талонам. Там ты сдохнешь в сухом тепле, экономя каждый выдох. А здесь... здесь у тебя есть этот воздух. Да, он пахнет гнилью и болотом, но он бесплатный. Бери инструмент.

Рабочий долго смотрел на ржавое железо кирки. Его пальцы судорожно сжимались. Потом он нагнулся, поднял инструмент и первым ударил по гранитной жиле. Огненный каскад искр брызнул в темноту штольни.

Ручной труд превратил Абзу в филиал преисподней.

Земная порода не желала отдавать металл. Она была вязкой, тяжёлой, переплетённой корнями доисторических деревьев. Кирки тупились через час работы. Игиги, никогда не знавшие настоящих физических нагрузок, сбивали ладони до костей за одну смену.

На сто двадцатые сутки Абзу забрала первую жизнь.

Молодой игиг, работавший на верхнем ярусе без страховки (гравитационные пояса тоже вышли из строя), на секунду засмотрелся на садящееся в океан солнце. Его ноги поехали по мокрой глине. Сорок локтей свободного падения на острые обломки гранита. Глухой хруст позвоночника. Когда Энки спустился к телу, парень был уже мёртв — его череп раскололся, как перезрелый плод, а земная грязь жадно впитывала благородную кровь Нибиру.

У него даже не было личного номера — чернь из нижних ярусов никто не вносил в именные свистки экспедиции.

А ещё через десять суток пришла лихорадка. Влажный, тяжёлый воздух джунглей, смешанный с каменной пылью, оседал в лёгких рабочих. Люди начинали кашлять густой, зеленоватой слизью, их била крупная дрожь. Нинхурсаг развернула палаточный госпиталь прямо на

болоте, но её медицинские капсулы требовали энергии, а генераторы умирали вслед за комбайнами. В лагере пахло гнилой прелью и смертью.

— Они ложатся десятками, Энки! — Нинхурсаг ворвалась в его шатёр глубокой ночью. Её руки были по локоть в бурой сукровице, лицо осунулось. — Если мы не вернём им скафандры с замкнутым циклом, к осени здесь останутся только трупы.

Энки даже не поднял головы от карты разрезов. Его лицо казалось вырезанным из того самого гранита, который они грызли в Абзу. Каменное, холодное лицо Энлиля.

— Скафандры требуют изотопных батарей, Нин. Все батареи изъяты для поддержания жизнеобеспечения «Лагаша». Мы не можем поднять корабли в космос без энергии.

— Ты обрекаешь их на убой!

— Те, кто выживет, станут сильнее, — Энки наконец посмотрел на неё, и Нинхурсаг отпрянула. В его глазах больше не было прежнего научного любопытства. Там застыл холод касты Лидеров. — Их лёгкие перестроятся. Их иммунная система адаптируется к здешней заразе. Они должны стать частью этой планеты, Нин. Другого пути нет.

— Ты говоришь как Энлиль, — прошептала она с отвращением. — Ты становишься им.

Энки промолчал. Он лишь крепче сжал край стола, под ногтями у него чернела въевшаяся чёрная глина, которую уже невозможно было отмыть.

III. ПЕРВАЯ КРОВЬ И ПЕРВЫЙ МЕТАЛЛ

На сто сороковой день Абзу содрогнулась. Это был не звук, а физический вздох Земли.

Траншея третьего сектора, которую игиги углубили на тридцать локтей, не выдержала затяжных ливней. Склон поплыл. Тысячи тонн жидкой глины и валунов рухнули вниз, хороня под собой дневную смену.

Энки копал вместе со всеми. Без перчаток, сбивая ногти в кровь, он вытаскивал из липкого месива изувеченные тела рабочих. От них пахло мокрыми волосами и смертью. Им удалось откопать тридцать человек. Большинство из них были мёртвыми — земля просто раздавила их грудные клетки.

Когда всё закончилось, тела выложили в ряд у кромки приборя. Ливень смывал грязь с их серых, застывших лиц. Они больше не были похожи на гордых звёздных строителей Нибиру. Они выглядели как порождение этой сырой, хищной земли.

Нинхурсаг сидела на коленях перед последним выжившим, безуспешно пытаясь остановить внутреннее кровотечение. Её ладони были скользкими от крови. Она подняла голову на подошедшего Энки. В её глазах стояли слёзы, смешанные с дождевой водой.

— Тридцать семь смертей за один день, Энки. Мы должны свернуть работы. Мы должны пересмотреть весь проект колонии. Мы убиваем собственный народ!

— Нет, — отрезал он. Его голос перекрыл шум наступающего шторма. — Мы продолжим. Завтра углубляем четвёртый сектор.

— Ты чудовище! — крикнула она, поднимаясь на ноги. — Ты предал всё, во что верил!

— Те, кто погиб сегодня, заплатили цену за то, чтобы их дети на Нибиру сделали лишний вдох, — Энки развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь на мертвецов.

А на сто шестидесятые сутки они нашли жилу.

Это произошло на самом дне затопленной Абзу. Кирка одного из рабочих выворотила тяжёлый, маслянистый валун. А под ним, в грязной жиже, что-то глухо и мощно зыбнуло жёлтым светом.

Лагерь замер. Игиги побросали инструменты. Сотни людей сгрудились на склонах карьера, глядя вниз.

Энки спустился в жижу, упал на колени и запустил руки в ледяную воду. Пальцы нащупали гладкий, тяжёлый булыжник. Когда он вытащил его на свет, самородок оказался тёплым — будто Земля отдавала ему своё тепло, тёплым, как сердце. Это был дикий, первобытный кусок металла размером с голову ребёнка — тяжёлый, мягкий, покрытый налётом вековой ржавчины и глины. Но это было оно. Спасение их расы.

Алалу, стоявший на краю обрыва, сверху вниз смотрел на Энки, сжимающего золото. Как бог мертвых, принимающий подношение.

— Ну вот вы и получили его, — громко сказал бывший царь. — Ваше искупление. Вашу золотую клетку.

Энки поднял голову, встречая взгляд изгнанника. Лицо Энки было чёрным от копоти и грязи, но глаза горели лихорадочным блеском.

— Это только начало, Алалу. Через тридцать суток первая партия уйдёт на орбиту.

К концу первого земного года от первоначального состава экспедиции в живых осталось едва ли семьдесят процентов. Остальные лежали под безымянными холмиками чуть выше линии прилива, подпирая своими костями корни гигантских папоротников. У них был взгляд зверя, научившегося выживать.

Но те игиги, что выжили, изменились. Их кожа погрубела, покрылась загаром и шрамами, плечи раздалились, а в лёгких больше не хрипело от здешнего воздуха. Они научились выживать. Алалу стал их негласным наставником — он учил чернь различать съедобные клубни, нахо-

дить питьевую воду в обход ядовитых мангровых приливов и строить дома из здешнего камня, которые не смывало штормами. От него пахло дымом и кровью этого мира.

— Зачем ты возишься с ними? — спросил Энки, когда они сидели у вечернего костра на берегу. Солнце уходило в океан, окрашивая Абзу в цвет свежей крови.

— Потому что у них, в отличие от тебя, не было выбора, — Алалу поворошил палкой угли. — Их швырнули сюда как мясо для шахт. Точно так же, как Совет швырнул меня в эту глушь сто сорок циклов назад. Я хочу, чтобы они выжили. Чтобы они построили здесь то, на что у нас на Нибиру не хватило ума.

— И что же это?

Алалу поднял на него свои старые, мудрые глаза, в которых плясали искры костра.

— Мир без хозяев, Энки. Мир свободных людей.

Энки ничего не ответил. Он смотрел на тяжёлые, очищенные от шлака золотые слитки, сложенные у подножия десантного челнока. Каждая из этих чушек стоила десятка жизней его рабочих.

На следующий день корабли взлетели.

Три тяжёлых грузовых модуля, надрывно воя отремонтированными дюзами, медленно оторвались от заболоченного берега Эриду. Они уходили в серое земное небо, оставляя за собой жирные шлейфы фиолетового пламени и прижимая вековые деревья к самой воде звуковой волной, вибрацией костей.

Игиги стояли на берегу и молча смотрели вверх, пока огненные точки не растворились в верхних слоях атмосферы.

— Ты же знаешь, что они вернутся, — Алалу подошёл к Энки, который так и остался стоять у кромки воды.

— Знаю, — тихо ответил тот. — Они пришлют ещё корабли. Ещё больше надсмотрщиков. Энлиль лично захочет контролировать Абзу, когда увидит чистоту этого золота.

— Они будут возвращаться снова и снова, пока Нибиру дышит, — Алалу сплюнул в набежавшую волну. — Ты готов к тому, что ты сделал, первенец Ану? Ты открыл ворота в этот сад для стаи голодных волков.

Энки проводил взглядом последнюю инверсионную полосу, растаявшую в облаках. Ветер принёс с океана запах соли, озона и приближающегося дождя. Он повернулся спиной к небу и посмотрел на глубокую, тёмную рану Абзу — хтоническую матку нового мира, где уже собирались на вечернюю смену выжившие, переродившиеся игиги.

— Они вернутся, Алалу, — сказал Энки, и его пальцы привычно нащупали рукоять кирки за поясом. — Но к их возвращению мы уже пустим здесь корни. И этот мир больше не будет беззащитным.

Земля молчала. Джунгли затихли, поглощая отзвуки ракетных двигателей.

Первое золото ушло к звёздам. Но истинная цена Абзу ещё только начинала выковываться в темноте подземных ярусов.

ГЛАВА 8. КРОВЬ

Время в Абзу потеряло счёт.

Циклы смешались в одно липкое, серое пятно: предрассветный туман, удушливый полдень, яростный тропический ливень и снова туман, поднимающийся от гниющих папоротников. Игиги спускались в траншеи, когда солнце едва цепляло верхушки гигантских деревьев, а поднимались в густых сумерках. На рукоятках кирок оставался их пот, смешанный с кровью и полосами содранной кожи.

Они больше не спрашивали, сколько локтей осталось до конца смены. Они просто грызли камень.

На втором году лагерь недосчитался двадцати процентов от первоначального состава. Земля собирала дань безжалостно и монотонно. Кого-то раздавило в глухих, наспех укрепленных штольнях. Кто-то сгорел за трое суток от болотной лихорадки, выплёвывая вместе с зелёной слизью остатки нибируанского иммунитета. А кто-то просто уходил в ночные джунгли — растворялся в папоротниковых зарослях, выбирая быструю смерть в пасти местных хищников вместо медленного превращения в рудного червя.

Энки не считал мертвецов. Он считал тонны.

Золотая жила, поначалу казавшаяся щедрой, закапризничала. Она уходила всё глубже, дробилась, пряталась в трещинах древнего гранита, вязла в базальтовых подошвах. Игиги вгрызались вглубь на сорок, пятьдесят, шестьдесят локтей. На такой глубине здешний воздух, перенасыщенный тяжёлым кислородом и каменной пылью, становился горячим и густым, как кисель. Каждый вдох обжигал лёгкие.

Алалу спускался в бездну вместе с рабочими.

Бывший царь не брал в руки инструмент — его старые суставы уже не годились для гранита. Он брал светильник. Тот самый, тускнеющий, на задыхающемся квантовом кристалле. Алалу часами ходил по тёмным штрекам, всматриваясь в изломы породы. Он, проживший на этой планете сто сорок циклов в полном одиночестве, научился чувствовать её тектонический пульс. Он знал, где земля собирается нанести удар.

— Здесь, — его испачканный палец касался склизкого, дрожащего свода. — Бейте левее. Сюда ушёл жёлтый хвост. И поставьте подпорку из мореного дуба, иначе вас похоронит к полудню.

Игиги слушались его беспрекословно. В иерархии колонии Алалу занимал странное место: он не имел власти, не отдавал приказов и не грозил орбитальным трибуналом. Но он был единственным из касты правителей, кто дышал с ними одной пылью.

Нарыв созрел медленно, обретая плотность подкожного гноя.

Сначала изменился взгляд. На исходе второго года рабочие перестали отводить глаза, когда мимо проходили надсмотрщики из числа личной гвардии Энки. Игиги работали всё так же молча, но в этой тишине появилось опасное, металлическое натяжение. Пальцы сжимали топорща кирок чуть дольше и крепче, чем требовалось для удара по камню.

Потом в бараках зазвучали голоса.

Они говорили ночью, когда отключались редкие уцелевшие прожекторы. Это был не крик, а глухой, сорванный шёпот сотен ртов, пропахших болотной гнилью.

— Почему мы здесь, брат?

— Потому что Совету на Нибиру нужно золото.

— На Нибиру мы проектировали термоядерные узлы и рассчитывали траектории межпланетных челноков. Мы — каста строителей. Почему здесь наши спины заменили проходческие комбайны?

Кто-то часами смотрел сквозь щели в бамбуковой крыше на чужие, яростные звёзды, пытаясь отыскать среди них тусклую точку родного дома. Кто-то скулил во сне — беззвучно, содрогаясь всем истощённым телом, размазывая по деревянному настилу грязь и слёзы.

Надсмотрщики всё чаще поднимались к Энки. Их отчёты становились короткими и тревожными:

— Они смотрят на наши шеи так, словно ищут в них трещины в граните. Терпение на исходе, повелитель.

— Пусть говорят, — глухо отвечал Энки, не отрываясь от расчётов плотности атмосферного щита Нибиру. — Пока золото идёт вверх — пусть шепчутся.

Взрыв случился на третий год.

Надсмотрщик Гурру — чистокровный ануннак из касты воинов, сохранивший на Земле высокомерие столичных кварталов — ударил плетью рабочего. Тот просто упал от истощения посреди центрального разреза, не донеся корзину с концентратом до подъемника. Гурру замахнулся для второго удара, собираясь проучить симулянта, но его руку перехватили.

Это был молодой игиг по имени Ишкур. До экспедиции он отвечал за автоматику стартовых столов на главном космодроме Нибиру. Сейчас от инженера осталась лишь тень: скулы обтянуты сухой кожей, глаза запали, плечи покрыты язвами. Но его пальцы впились в запястье надсмотрщика с такой силой, что титановые наручи Гурру жалобно звякнули.

— Довольно, — сказал Ишкур.

В его голосе не было ярости — только бесконечная, свинцовая усталость.

Гурру опешил. Он рванул руку, отступая на шаг, и потянулся к лучевому кастету на поясе. Но разрез уже изменился. Работа встала. Сотни игигов замерли на уступах карьера. Они не кричали, не хватали камни. Они просто молча двинулись вниз, сжимая в руках инструменты. Они окружали Гурру живой, серой стеной, отсекая его от выходов.

— Отойди, чернь, — процедил надсмотрщик, но его голос дал давящую осечку дрожь.

Ишкур не сдвинулся ни на локоть.

— Дай ему воды, — спокойно произнёс инженер, указывая на лежащего в грязи товарища. — Он пуст. Его ресурс выработан.

— Ты не имеешь права указывать касте воинов!

— Я напоминаю тебе правила элементарной механики, — Ишкур сделал шаг вперёд, вынуждая Гурру отступить к самой скале. — Ты заменил сломанные квантовые кристаллы комбайнов нашими хребтами, Гурру. Для вас мы — просто новый тип расходников с углеродным ресурсом. Но кристаллы в трюмах вы берегли и чистили. А нас ты забиваешь насмерть. Если он содохнет — кто встанет на забой завтра? Ты сам возьмёшь кирку?

Гурру огляделся. Тысячи глаз смотрели на него из темноты Абзу. Это были глаза переродившихся волков, которые больше не боялись плети.

— Ладно, — выплюнул надсмотрщик, опуская оружие. — Уберите это дерьмо из траншеи. Но если завтра он не выйдет на смену — ты пойдёшь за двоих, инженер.

Ишкур ничего не ответил. Он бережно поднял ослабевшего товарища на спину и понёс его к лагерю. Рабская толпа расступалась перед ним, как перед царём.

Энки вызвал Ишкура в свой шатёр той же ночью. Молодой игиг стоял перед ним, не поднимая головы, но его прямая спина транслировала глухое, опасное упрямство.

— Ты нарушил субординацию, — Энки рассматривал инженера сквозь прозрачную грань золотого слитка, лежащего на столе. — Ты применил силу к офицеру надзора. По законам Нибиру это карается зачисткой памяти и вечной ссылкой на рудники окраин.

— Мы уже на рудниках окраины, повелитель, — тихо, но отчётливо произнёс Ишкур. — И память нам зачищать не нужно — здешняя сырость сама вымывает воспоминания о доме. Я просто спас инструмент, который ваш надсмотрщик чуть не сломал по глупости.

Энки отложил золото. Его лицо, осунувшееся и потемневшее от земного солнца, казалось высеченным из базальта.

— Ты был инженером стартовых комплексов, Ишкур. Ты должен понимать глобальность задачи. Мы спасаем расу. Каждая тонна этого металла — это метр плотности атмосферы над головами наших семей.

— Чьих семей, Энки? — Ишкур впервые поднял взгляд, и правитель Абзу внутренне вздрогнул от того, сколько ледяной пустоты было в глазах этого парня. — У игигов нижних каст здесь нет семей. Нас погрузили на «Лагаш» без права взять с собой женщин. У нас нет детей и никогда не будет. Мы — тупиковая ветвь, одноразовые поршни в твоём золотом насосе. Вы ведь просчитали наш износ перед стартом экспедиции, верно? На сколько нас должно было хватить по вашему плану? На три года? На четыре?

Энки молчал. Алгебра Ишкура была безупречной. Совет действительно закладывал сорокапроцентную убыль рабочей силы на первом этапе колонизации.

— Ты свободен, инженер, — после долгой паузы сказал Энки. — Возвращайся в барак. Но помни: если порядок рухнет, мы не добудем ничего. И тогда все, кто уже сгнил в этих болотах, умерли напрасно.

Ишкур коротко поклонился и вышел, растворившись в ночном тумане.

Из-за тяжёлого кожаного полога шатра вышла Нинхурсаг. Она не скрывала, что слышала каждое слово. Её стерильный халат был покрыт пятнами бурой сукровицы — она только что пришла из госпиталя.

— Ты ведь знаешь, что он прав, брат, — тихо сказала она, опускаясь на бамбуковый стульчик. — Они начинают понимать математику этой экспедиции.

— Порядок — единственное, что удерживает нас от хаоса, Нин.

— Ты превращаешься в Энлиля, — она с горечью посмотрела на его испачканные графитом и грязью руки. — Тот тоже оперирует миллионами жизней ради высшей целесообразности. Но Энлиль — военный, его так учили. А ты — учёный, Энки. Ты создавал жизнь, а не ломал её.

— Энлиль никогда не ошибался в вопросах выживания, — жёстко отрезал Энки.

— Да. Но он никогда никого и не любил. А без этого твоя колония — просто хорошо спроектированный морг.

Бунт начался без единого крика. Он начался с абсолютного, вакуумного молчания.

Утром следующего дня Абзу не проснулась. Не застучали кирки, не взвыли дизельные подъемники. Тысячи игигов не вышли на построение. Они просто выкатились из своих барачков и сели на землю, скрестив ноги и положив мозолистые ладони на колени. Тысячи грязных, исхудавших, страшных людей сидели лицом к восходящему солнцу и молчали.

Надсмотрщики метались между рядами. Они кричали, срывая голоса, размахивали энергетическими плетями, лазерные наконечники которых шипели во влажном воздухе. Плетки ложились на спины, рассекая кожу до мяса. Но ни один игиг не вскрикнул, не побежал и не поднял инструмент. Они сидели как изваяния из серого гранита. Они потеряли страх, потому что смерть в забое больше не отличалась от смерти в лагере.

Энки спустился к ним сам, без оружия и охраны. Он шёл сквозь ряды сидящих рабочих, чувствуя кожей спины их тяжёлый, сфокусированный взгляд. Каждый шаг давался с трудом — не от усталости, а от напряжения, которое висело в воздухе, как перед ударом молнии. Это была критическая масса. Достаточно одной искры, одного неосторожного жеста — и эта толпа просто разорвёт его на части голыми руками, растопчет, смешает с глиной.

Он остановился перед Ишкуром. Тот сидел в первом ряду.

— Вы отказываетесь давать золото? — спросил Энки. Его голос разнёсся над притихшим карьером.

Ишкур медленно поднялся. Он был на голову ниже Энки, но сейчас они казались равными.

— Мы устали умирать ради чужого завтра, в котором нам нет места, — сказал инженер. — Дай нам причину копать эту землю, Энки. Дай нам что-то, кроме ржавой кирки и безымянной могилы у прибора.

Энки обвёл взглядом толпу. Он знал логику колонии наизусть. До Нибиру восемь месяцев лёта в оба конца. Он не мог пообещать привезти женщин или сменные бригады из столицы — инженеры Ишкура мгновенно просчитают траекторию и поймут, что это ложь. Сказать им правду — значит подписать колонии смертный приговор.

И тогда Энки принял решение, которое навсегда раскололо его жизнь на «до» и «после». Он заглянул в бездну своей собственной науки.

— Тридцать циклов, — громко произнёс Энки, поворачиваясь к толпе. — Мне нужен этот срок. Чтобы заполнить трюмы орбитального рудовоза до отказа.

— А что потом? — выкрикнул кто-то из задних рядов. — Ещё тридцать?

— Потом, — Энки снова повернулся к Ишкуру, чеканя каждое слово, — я объявлю о закрытии режима временной колонии. Мы перестанем быть вахтовым лагерем. Мы заложим здесь настоящий город. Мы расчистим джунгли под поля.

Ишкур горько усмехнулся:

— Город для кого, повелитель? Город вдовцов и кастратов? Откуда здесь возьмутся новые поколения? Совет никогда не пришлёт сюда наших женщин, они слишком берегут свои шкуры.

— Совет не пришлёт, — Энки сделал шаг вплотную к Ишкуру, и его голос упал до доверительного, страшного шепота, который, однако, слышали многие. — Но на борту «Лагаша» заблокированы генетические инкубаторы касты Творцов. Там хранятся матрицы миллионов здоровых яйцеклеток Нибиру. Дайте мне тридцать циклов золота, чтобы успокоить Совет, и я прикажу Нинхурсаг взломать эти протоколы. Мы откроем лаборатории. Мы начнём синтез и адаптацию. Если Нибиру не хочет делиться с нами будущим, мы вырастим это будущее здесь сами. Мы пустим корни в эту землю.

Толпа выдохнула. Это была не просто надежда — это был проект бунта, санкционированный самим Лидером. Энки предлагал им не рабский труд, а соучастие в великом преступлении против законов Нибиру. Он предлагал им стать отцами новой расы.

Ишкур долго всматривался в лицо Энки, пытаясь отыскать в нём след обмана. Но Энки не лгал — он действительно только что принял этот безумный, грандиозный план.

— Тридцать циклов, Энки, — тихо сказал Ишкур. — Мы засыплем тебя золотом по самую горловину бункеров. Но если через тридцать дней инкубаторы не заработают — мы сожжём этот лагерь вместе с твоими кораблями.

Инженер нагнулся, поднял из грязи свою кирку и вскинул её на плечо.

Через минуту Абзу снова запела своим страшным, искрящимся звуком. Тысячи людей ломали гранит с яростью обречённых, у которых впервые появился горизонт.

Вечером Энки стоял на смотровом мостике, глядя, как к обогатительным фабрикам тянутся бесконечные цепочки нагруженных доверху платформ. Работа шла с утроенной силой.

Рядом со звуком старого сухого дерева захрустели шаги Алалу. Старик остановился у перил, глядя на копошащихся внизу рабочих.

— Ты совершил самую страшную ошибку в своей жизни, первенец Ану, — тихо произнёс изгнанник. — Ты дал им надежду. Причём надежду, замешанную на запретном знании.

— Это единственный способ заставить их работать без плети, Алалу.

— Плеть оставляет шрамы на спине, Энки. А надежда переписывает саму суть человека. Она не умирает, когда заканчивается еда или воздух. Она начинает требовать. Ты пообещал им детей от этой земли. Ты понимаешь, что теперь они никогда, слышишь — никогда не вернутся

на Нибиру? Они будут драться за этот мир до последнего вздоха. И драться они будут против твоей собственной касты, когда Совет пришлёт сюда войска.

Энки повернулся к бывшему царю. Ветер с океана трепал его волосы, принося запах озона и надвигающегося шторма.

— Я знаю, Алалу, — тихо ответил Энки. — Но у меня больше нет пути назад. Теперь у меня есть ровно тридцать суток, чтобы заставить Нинхурсаг совершить научное святотатство и переписать законы биологии нашего мира.

Земля под их ногами глухо вибрировала от тысяч одновременных ударов железа о камень. Цена выживания Нибиру была выплачена. Теперь начиналась цена, которую заплатит сама Земля.

ГЛАВА 9. ГОДЫ В ПЫЛИ

Энки сдержал слово ровно на тридцатые сутки. Земное время тянулось для него как застывающая смола, но на исходе месяца, когда над Абзу поднялось багровое, заплывшее жирной утренней хмарью солнце, ультиматум Ишкура растворился в шипении гидравлики.

Тяжёлые гермозатворы биотехнического отсека «Лагаша» расходились со стоном, словно неохотно отдавали то, что зрело внутри. Наружу хлынула плотная струя ледяного пара, а за ней — стерильный, почти забытый, приторно-сладкий запах столичных лабораторий Нибиру. Этот запах резал ноздри каторжан, привыкших к испарениям болот и серому дыму костров.

Нинхурсаг не спала все эти тридцать ночей. Когда она вышла на аппарель корабля, люди отшатнулись. Её лицо осунулось, под глазами залегли чернильные тени, а капилляры в белках лопнули, отчего взгляд казался безумным, пророческим. Пальцы её, испачканные в подсохшем питательном геле, мелко дрожали, но контейнер из матового полимера она держала мёртвой хваткой.

Это не было научным триумфом, который празднуют в высоких залах Совета. Это был чистый, яростный акт саботажа. Тридцать суток она не отходила от терминалов, взламывая многоуровневые протоколы касты Творцов. Она обходила квантовые ловушки, обманывала следящие суб-программы Нибиру и вручную, символ за символом, переписывала базовые матрицы. Она сознательно калечила расовую чистоту ануннаков, чтобы подарить их потомкам шанс выжить здесь.

Девять месяцев спустя Абзу замерла снова. Но теперь это была не глухая, злая тишина предреволюционного бунта, а благоговейный, липкий страх перед чудом, которого никто не ждал.

В бамбуковом бараке, сквозь щели которого сочился душный предгрозово́й воздух, пахло прелыми листьями папоротника и кровью. На этой импровизированной постели заплакал первый ребёнок.

Звук был слабым, но он прорезал гул далёких тектонических машин. Ишкур, затаив дыхание, шагнул вперёд. Его огромные руки, покрытые шрамами, вьёвшейся гранитной крошкой и угольной пылью, казались слишком грубыми для этого мгновения. Но инженер принял младенца так бережно, словно это был хрупкий кристалл навигационной системы корабля.

Он заглянул в лицо новорождённого и похолодел.

У мальчика были другие глаза. Совсем не такие, как у детей на Нибиру. Огромные, бездонные, где антрацитово-чёрный зрачок занимал всю видимую поверхность — ни белков, ни привычной радужки. Изменённая оптика, способная поглощать тончайшие спектры света. Но куда сильнее пугала его грудная клетка — непривычно широкая, бочкообразная, мощная, готовая к планетарному давлению.

— Он дышит, — выдохнул Ишкур, и его сорванный, прокуренный тяжёлыми газами голос сорвался на шепот. — Смотри, Нин... Он не хрипит. Лёгкие не спадаются. Ему не нужен дистиллят из лагерных цистерн.

— Потому что он рождён для этого воздуха, — Нинхурсаг тяжело опустилась на глиняный пол, прислонившись спиной к шершавой бамбуковой стене. Её руки, отмытые от крови, бессильно лежали на коленях. — Я убрала из его ДНК звёздную защиту. Всё, что делало нас неуязвимыми для космической радиации, я вырезала к чертям. Но взамен я вплела в его код маркеры сопротивления здешней болотной гнили и лихорадке. Он принадлежит этой грязи, Ишкур. На Нибиру он задохнётся через минуту, его лёгкие разорвёт тамошнее разреженное давление. Но здесь... здесь он будет дома.

Она закрыла глаза, и в этот момент маятник судьбы качнулся. Время, до этого измеряемое чёткими вахтами и циклами рудовозов, покатилося под откос, теряя очертания. Тридцать

дней выигранного мира незаметно, шаг за шагом, растворились в тридцати годах яростной земной эволюции.

Земля оказалась не просто новым домом — она оказалась медленным, прожорливым пламенем, пожирающим бессмертных.

Ануннаки и игиги, чьи тела веками подпитывались стабильной, искусственно разреженной атмосферой Нибиру и её мягким планетарным излучением, столкнулись с главным проклятием этого изумрудного мира — избыточным, яростным кислородом. Здешний воздух, сладкий, густой и пьянящий, действовал на их биологические матрицы как чистейший окислитель. Земля медленно сжигала их изнутри.

Процессы клеточного распада, которые на родной планете занимали тысячи циклов, здесь завершались за какие-то десятилетия. Высшая каста богов начала стремительно и уродливо стареть. Это был шок, трагедия, которую никто не знал, как остановить.

К тридцатому году Энки однажды утром замер перед зеркальной панелью биоблока. Его некогда иссиня-чёрные, струящиеся волосы, бывшие гордостью царского рода, покрылись жёсткой, тусклой, как сухой степной ковыль, сединой. Кожа на лице Нинхурсаг высохла под безжалостным земным солнцем, вокруг глаз легли глубокие, радиальные морщины, похожие на русла пересохших рек Абзу.

Но хуже всего пришлось простым игиги. Они «изнашивались» до костей. Тяжёлая, дикая планетарная гравитация гнула их некогда прямые спины, заставляя ходить пригнувшись к земле, а суставы, забитые несмываемой гранитной пылью, воспалялись и превращались в неподвижный известняк. Боги хрипели, кашляли кровью и кричали по ночам от судорог.

Лишь Алалу, свергнутый царь, казалось, не подчинялся общему распаду. Он жил на своём уединённом скальном уступе уже второе столетие. Но он не дряхлел. Его тело странным образом трансформировалось: кожа грубела, серела, покрываясь шершавой коркой, похожей на кору вековых земных дубов. Он становился частью этого ландшафта, его живым изваянием.

— Мы сгораем, Нин, просто сгораем, — Энки сидел перед лабораторным сканером, тупо разглядывая трёхмерную структуру собственной печени. — Метаболизм закручен в безумную спираль. Мой клеточный ресурс сокращается с каждым вдохом. Эта планета — хронологическая ловушка, красивая тюрьма, где нас приговорили к медленной казни через окисление.

— Это цена, Энки. Цена, которую мы платим за то, чтобы ходить по её тверди без давящих масок и скафандров, — Нинхурсаг устало перебирала пробирки с тёмным субстратом, её голос звучал глухо. — Наша чистая раса здесь выродится и вымрет всего за три поколения, если мы остановим адаптацию. Но ты посмотри на детей. Взгляни на них без страха.

Дети, которых в лагере Абзу насчитывалось уже больше трёх сотен, не знали культа Нибиру, не помнили блеска её городов. Они были другими. Плотные, приземистые, с тяжёлой, неестественно прочной костью, идеально приспособленной к давлению земной коры, они с криками бегали по острым камням Абзу босиком. Их молодые лёгкие впитывали влажный, азотистый, пахнущий грозой воздух с жадностью молодых хищников. Кислород не сжигал их — он питал их силу.

Но по мере их взросления проявилось то, чего Нинхурсаг не смогла предугадать в своих расчётах. Смешение генов изнурённых рудных рабочих и высшей касты Творцов в условиях агрессивной, первобытной земной среды вызвало каскад рецессивных мутаций.

У некоторых подростков зрачки в сумерках расширились, затапливая весь глаз и отливая фосфорическим, кошачьим зелёным светом — эти дети видели в абсолютной, гробовой темноте самых глубоких шахт. Другие, замирая посреди шумной игры, вдруг падали на колени и прижимались ухом к базальтовым валунам. Они замирали, слушая что-то внутри камня, и безошибочно предсказывали сдвиги тектонических плит и обвалы за несколько часов до катастрофы. Они слышали ультразвуковой, предсмертный плач разрываемой Земли.

— Они не игиги, Энки, — прошептала Нинхурсаг, глядя сквозь бронированное окно на то, как подростки волокли тяжёлые корзины с самородной медью наравне со взрослыми мужчинами. — Чтобы закрепить иммунитет к этой планете, мне пришлось взять генетический материал местных прямоходящих приматов. Только их кровь могла связать наш код с землёй. Они — Лулу. Земляне. Наша новая, дикая кровь.

К исходу пятого десятилетия Абзу окончательно перестала быть просто каторжной просекой, залитой грязью и слезами. Страдания ковали цивилизацию, и земля обросла плотью.

Хлипкие бараки из гнилого бамбука ушли в прошлое. На их месте выросли массивные, суровые кубические строения из чёрного обтесанного базальта. Игиги, ставшие к этому времени седыми патриархами, дедами и наставниками, больше не работали под надзором надсмотрщиков. Они строили свой мир. Они размечали правильные геометрические улицы, прорубали в скальной породе глубокие каналы для отвода гнилой болотной жижи, сажали первые поля дикого ячменя на осушенных террасах речной дельты.

Так родился Эриду — «Дом, построенный вдаль». Он превратился в первый настоящий город Земли. Грубый, циклопический, пахнувший рудной гарью, вяленой рыбой и обожжённой мокрой глиной, но абсолютно живой. Здесь, на набережных, звенела медь, здесь в огромных чанах варили первое густое пиво из здешних злаков, здесь по вечерам рождались тёмные, пугающие сказки о звёздных предках, которые когда-то прилетели с неба на огненных птицах, чтобы оставить своих детей в пыли.

И все эти пятьдесят лет Совет на Нибиру оставался абсолютно, безмятежно слеп. Система, которую в самом начале отладил Энки, работала с точностью хронометра. Каждые несколько планетарных циклов автоматические грузовые рудовозы, подчиняясь заложенным в их память неизменным программам, бесшумно поднимались с базальтовых платформ побережья и уходили в чёрный космос. В их герметичных трюмах лежали аккуратные, тускло отблескивающие слитки тяжелого золота. Поставки были регулярными, нормы веса соблюдались до грамма, и Совет на метрополии не вникал в детали. Там полагали, что Энки железной рукой держит каторжан в повиновении, а надсмотрщики исправно щелкают бичами. Они не знали, что надсмотрщиков больше нет, а бичи давно сгорели в кострах Эриду.

Энки больше не руководил работами из стерильного шатра. Он ходил по каменным мостовым своего города в простом, пропотевшем сером плаще из грубой местной шерсти, опираясь при ходьбе на тяжёлый деревянный посох. Его лицо превратилось в карту из морщин, но в глубине огромных глаз всё ещё горело глухое, торжествующее пламя демиурга, создавшего мир из ничего.

— Ты дал им родину, первенец, — старый Алалу встретил его на центральной площади, прямо у подножия строящегося храма Живой Воды. Старый царь, чья кожа теперь напоминала серый потрескавшийся туф, тяжело опирался на плечо молодого парня со светящимися фосфором глазами — внука Ишкура. — Ты совершил невозможное. Но ты ведь сам прекрасно понимаешь, Энки, что золото в жилах Абзу подходит к концу? Вы выгребли все доступные средние горизонты. Скоро рудные жилы истощатся совсем. Автоматические рудовозы начнут уходить в небо полупустыми.

— Я знаю это, Алалу, — тихо, без прежней гордости ответил Энки, глядя на свои мозолистые руки. — Мы выжали из этих шахт всё, что могли взять ручным трудом и старыми машинами.

— И что ты скажешь своему брату, когда инкубаторы Нибиру потребуют новую порцию для спасения атмосферы, а трюмы кораблей вернутся пустыми? Какую ложь ты вложишь в передатчик?

Энки медленно поднял голову и посмотрел вверх, туда, где сквозь плотную, вечную белковую дымку земной атмосферы угадывался холодный, чужой и безразличный космос.

— Я не буду лгать, — глухо произнес он. — Я скажу ему правду. Вахта окончена.

Ответ из метрополии пришёл на пятьдесят третий год. Он не был мягким. Он ударил по Эриду треском, воем сирен и яростным скрежетом реанимированной дальней связи в командном модуле полузаброшенного «Лагаша».

Энки, постаревшая Нинхурсаг и Ишкур, ставший к тому времени седобородым предводителем городского совета старейшин, стояли вокруг покрытой пылью консоли. Главный экран мигал, судорожно пробиваясь сквозь плотные слои атмосферных помех и космическую пыль. Звук шёл с огромной задержкой, он был тяжёлым, вибрирующим, пропитанным бездушным металлом столичных трибуналов Нибиру.

«...Внимание, Эриду. Говорит Диспетчерская вышка Харага. Последний рудовоз прибыл в систему со сдвигом графика на тридцать семь долей и критическим недогрузом в шестнадцать процентов. Спектральный анализ плотности золота показывает падение качества очистки. Совет выражает крайнее неудовлетворение. Энки, твои цифровые отчёты признаны умышленной фальсификацией».

Экран на секунду полностью погас, залив рубку мёртвым зелёным светом, а затем на нём проступило лицо, которое Энки не видел больше полувека. Время пощадило его. На нём не было ни единой морщины, ни одного следа земного тления. Чистокровный ануннак, застывший в своём высокомерном, вечном бессмертии — Энлиль. Его холодные глаза смотрели на брата сквозь миллионы лиг ледяного пространства с брезгливой, карающей яростью.

— Ты заигрался в своей грязи, брат, — голос Энлиля резал слух, как лазерный резак по кварцевому стеклу. — Наши орбитальные сканеры дальнего действия зафиксировали на поверхности Абзу несанкционированные мегаструктуры. Ты построил там гнездо, Энки. Ты расплодил чернь, нарушил законы крови и вскрыл неприкосновенный генетический фонд Творцов. Совет лишает тебя мандата правителя. Ты больше не бог для этой планеты. Ты преступник.

Энки сделал шаг вперёд и вплотную приблизился к микрофону. Его согнутая пятьюдесятью годами жестокой земной гравитации спина вдруг выпрямилась. Он не пытался спрятать от экрана свои седые виски, свои глубокие морщины или натруженные руки. В нём больше не было страха перед метрополией.

— Земля изменила правила вашей игры, Энлиль. Золота больше нет в лёгком доступе, его нельзя просто копать лопатами. А те, кого ты с высоты своего трона называешь чернью — теперь единственные законные хозяева этого мира. Они построили этот город своими руками, полили эти камни своим потом, пока твои генералы жирели и считали пайки на Нибиру. Они не вернутся в кандалы.

— Этот мир принадлежит Совету по праву силы и праву высшей расы, — Энлиль презрительно прищурился, разглядывая увядающее, покрытое земной пылью лицо брата. — Ты стал слаб, Энки. Ты провонял здешним болотом, рыбой и гнилью. Твой разум разрушен кислородом. Карательный корпус уже вылетел. Мой личный флагман «Алуум» и четыре тяжелых крейсера касты воинов вошли в предпереходную орбиту. Через восемь месяцев мы прорежем верхние слои атмосферы Земли. Приготовь всё оставшееся золото и кузнечные кандалы для бунтовщиков. Мы полностью зачистим твой базальтовый город, выжжем мутантов и начнём этот проект заново. С чистого листа.

Связь оборвалась с коротким, сухим щелчком. В командном модуле повисла тяжёлая, гробовая тишина, нарушаемая лишь глухим, мерным шумом бесконечного земного ливня, барабанившего по ржавой обшивке старого корабля.

Нинхурсаг медленно опустила голову на сложенные, дрожащие руки.

— Четыре крейсера... — прошептала она, и слёзы покатались по её морщинам. — У них на борту термальные излучатели. Они выжгут Эриду с орбиты за один оборот планеты. Они превратят наших детей, наших Лулу, в сплавленный пепел... Мы обречены.

Ишкур не шелохнулся. Он стоял прямо, как базальтовый столб. Его старые пальцы, когда-то с сорванными ногтями державшие каторжную кирку в душных забоях, теперь лежали на тяжёлом навершии массивного медного меча — оружия, которое земляне научились отливать из местных подземных руд. В его чёрных глазах без белков отражались тусклые огни приборной панели. Он медленно повернул голову к старшему брату.

— Что мы будем делать, Повелитель? Дай нам приказ.

Энки медленно повернулся и пошёл к выходу из модуля. Его старые, узловатые пальцы до хруста сжали деревянный посох. На аппарели он остановился, подставив лицо под струи холодного дождя. Он жадно вдыхал этот воздух — ветер нёс гарь домашних костров, ароматы придавленной ливнем степной травы и острый, кислый привкус расплавленного металла. Всё то, что стало его домом, его детищем, его единственным городом, который он был обязан защитить вопреки воле звёздных владык.

Там, внизу, в туманной долине, вопреки надвигающейся ночи, горели, пульсировали и дышали тысячи рукотворных огней великого Эриду. Там смеялись и засыпали дети Лулу, там шумели ночные рынки, там била ключом молодая, яростная жизнь, которую он лично вырвал у мёртвого камня этой планеты.

Энки обернулся к застывшему в дверях инженеру, и его седая, мокрая от дождя борода качнулась от резкого порыва ветра.

— Собирай людей, Ишкур, — сказал Энки, и его голос прозвучал как раскат первого грома над Абзу. — Собирай всех старейшин и всех молодых Лулу, способных держать металл. У нас есть ровно восемь месяцев, чтобы превратить каждую шахту, каждый базальтовый дом и каждую скалу в неприступную крепость. Мой высокомерный брат думает, что летит на усмирение покорной каторги. Нам придётся доказать ему, что он летит на смертную войну.

ГЛАВА 10. «НИБИРУ. ПОХОРОНЫ»

Энлиль стоял у колоссального окна из прозрачного корунда — там же, где застывал полвека назад, провожая взглядом экспедицию старшего брата.

Тогда Нибиру ещё пыталась казаться великой. Теперь она бросила эти попытки.

Корунд был ледяным, покрытым изнутри тончайшим налётом серой технологической пыли — очистные системы дворцовой башни уже не справлялись. За стеклом расстилалось небо, похожее на открытую, незаживающую рану: грязно-багровое, болезненное, иссечённое фиолетовыми вспылками статических разрядов. Золотой щит — распылённая в ионосфере взвесь, призванная удерживать остатки тепла, — расплзался как гнилая ткань. Разрывы, сквозь которые безжалостно просвечивал чёрный вакуум, стали шире и уродливее. Метрополия беззвучно умирала, и этот процесс уже нельзя было скрыть парадными отчётами.

Воздух в покоях верховного главнокомандующего пах озоном, сухим едким железом и застарелым выгоранием — тем самым удушливым коктейлем, который Энлиль вдыхал полвека назад, подписывая мандат Энки. Нибиру превратилась в планету-кладбище, где каждый вдох стоил миллионы золотых стандартов, а каста Творцов ежедневно урезала лимиты потребления для нижних уровней.

Он смотрел на Землю. Голубую, живую, дышащую. Её облака ползли над океанами, леса зеленели на континентах. Энлиль знал этот мир только по отчётам и голограммам — он никогда там не был. Отец отправил Энки. Брат дышал тем воздухом, пил ту воду, ходил по траве. А он, Энлиль, остался в мёртвом склепе, вдыхать концентрат, пропущенный через фильтры десять раз.

Он ненавидел брата за это. Не за то, что Энки ослушался. За то, что он жил. За то, что вдыхал этот чужой, плотный, пьянящий кислород полной грудью, пока Энлиль задыхался в стерильной пустоте собственного величия.

Его лицо, отражающееся в корунде, казалось идеальной маской из белого мрамора — ни одной морщины, ни единого изъяна, абсолютное, каноническое бессмертие чистокровного аристократа. Но в глубине зрачков полыхали похороны его цивилизации.

За спиной с тихим, маслянистым шелестом разошлись створки подъемной капсулы. Разрезая мертвую тишину зала, раздались шаги — тяжёлые, идеально размеренные, как удары гидравлического метронома. Так мог ходить только один человек во всей империи, не принадлежащий к касте воинов.

— Докладывай, — бросил Энлиль, не оборачиваясь. Его голос, усиленный акустикой купола, прозвучал сухо и веско.

— Сигнал с Земли, мой господин, — голос Утнапиштима дрожал точно так же, как и пятьдесят циклов назад, когда он принёс весть об истощении недр. Но теперь в этой дрожи не было прежнего благоговения перед властью. В ней сквозила ледяная растерянность учёного, чья картина мира рухнула в один клик дальней связи. — Прямой пакет данных из Абзу. От Энки. И... от структуры, которую они называют Городским Советом Эриду.

— Я уже знаю, — Энлиль даже не шелохнулся, продолжая сверлить взглядом багровые тучи. — Наша орбитальная станция перехватила аналоговый поток до того, как его закодировали. Я слышал сообщение брата от первого до последнего слова.

— Там... там катастрофа, мой господин. Это не просто неповиновение каторжан. Это полноценный бунт, — Утнапиштим сделал шаг вперёд, его подошвы зашуршали по каменным плитам. — Игиги полностью вышли из-под контроля Совета. Они бросили плети, сожгли бараки и отказались спускаться в шахты на прежних условиях. Они захватили все тридцать три нижних горизонта Абзу, перепрограммировали логистических дронов и... построили город. Настоящий, каменный город из базальта, способный выдержать планетарную осаду.

— Я знаю, — повторил Энлиль, и в его голосе проступила опасная, звенящая тишина.

— Но это ещё не всё, — Утнапиштим запнулся, тяжело вдохнув сухой воздух через носовые фильтры. — Энки... Наш великий Творец зашёл слишком далеко в своём безумии. Он создал новую расу. Взломал Высшие Протоколы, обошёл квантовые замки Совета и переписал базовые генетические матрицы. Он скрестил наш чистый код с... с местными полудикими приматами, чтобы закрепить у них иммунитет к земной атмосфере. Он назвал их Лулу. Земляне.

— Мне известно и это, — в третий раз оборвал его Энлиль, медленно поворачиваясь лицом к залу.

Утнапиштим стоически замер у дверей, судорожно, до белизны в суставах, сжимая мерцающий полимерный носитель. Главный учёный империи выглядел ужасно. В отличие от Энлиля, регулярно проходившего циклы регенерации, Утнапиштим за эти пятьдесят лет постарел. Не физически — его кожа оставалась гладкой — но ментально. Его плечи опустились под тяжестью бесконечного кризиса, лицо стало серым, как базальтовые стены Эриду, а в глазах застыл извечный страх чиновника перед неминуемым концом.

— Мой господин, — выдавил Утнапиштим, не выдерживая тяжёлого взгляда правителя. — Высший Совет Нибиру требует радикальных действий. Энки должен быть отстранён от должности и доставлен сюда в кандалах для показательного трибунала. Город Эриду необходимо стереть с лица Земли орбитальным ударом. Если мы проявим слабость, игиги на других колониях поймут, что метрополию можно шантажировать. Золото должно идти на Нибиру любой ценой. Иначе через два цикла наш щит окончательно рассеется, и мы замёрзнем в темноте.

— Высший Совет, — Энлиль коротко, горько усмехнулся, и эта усмешка больше походила на оскал черепа. — Старики, которые не могут сделать глотка без того, чтобы электронный дозатор не посчитал их налог на жизнь. Они требуют золота от мира, который никогда не видели. А ты сам что думаешь, Утнапиштим? Забудь на секунду о кресле министра. Включи разум.

Учёный растерянно молчал, переводя взгляд с инфопластины на главнокомандующего.

— Ты ведь был там, в первой рекогносцировочной капсуле, — тихо, почти интимно продолжил Энлиль, делая шаг навстречу. — Ты брал первые пробы той почвы. Ты знаешь, каков на вкус её воздух. Ты понимаешь, что на самом деле означает то, что сотворил мой брат? Что означает эта их... свобода?

— Свобода, — повторил Утнапиштим, словно это слово было запрещённым термином из стёртых архивов.

— Да. Свобода. — Энлиль снова повернулся спиной, но теперь он смотрел на огромную голограмму Земли, вращающуюся в центре зала. — Там они дышат без фильтров, Утнапиштим. Мой брат, его игиги и эти его новые уроды-Лулу... они не считают каждый выдох. Они не боятся закрыть глаза вечером, потому что знают: автоматика купола не отключится из-за нехватки энергии. Их лёгкие не сжигает дефицит, их питает сама планета. Энки понял это раньше всех нас. Он понял, что Нибиру — это мертвец, которого мы пытаемся реанимировать золотыми инъекциями. И теперь он защищает свой новый дом. Свой живой мир.

— Значит... вы собираетесь оставить всё как есть? — в голосе Утнапиштима смешались ужас и безумная, тайная надежда. — Позвольте им остаться там? Позвольте Эриду жить? Но как же Нибиру?! Как же наш щит?!

— Я собираюсь остановить их, — отрезал Энлиль, и его голос упал до ледяного шёпота. — Но я сделаю это не так, как хотят маразматики из Высшего Совета. Они мыслят категориями квот. Я мыслю категориями выживания вида.

— Я не понимаю вас, мой господин.

Энлиль подошёл вплотную к голограмме Земли и протянул руку. Его длинные, идеальные пальцы погрузились в призрачный голубой свет океанов.

— Пятьдесят циклов назад, когда мы только открыли эту аномалию, я умолял отца отпустить меня во главе экспедиции, — негромко произнёс Энлиль, и в его тоне впервые прорезалась глухая, вековая обида. — Я хотел быть там. Я хотел ковать новый мир. Но Ану не пустил меня. Наш великий отец заставил меня остаться в этом золотом склепе. Он сказал, что я — меч, жёсткая рука, которая должна удерживать порядок здесь, на развалинах империи. А Энки — разум, демиург, призванный созидать на дальних рубежах.

— Великий Ану был мудр... — робко вставил Утнапиштим.

— Отец ошибался, — жёстко перебил его Энлиль. — Он катастрофически ошибался в своём любимом первенце. Он думал, что разум Энки принадлежит Нибиру. А Энки всегда был слишком мягким, слишком уязвимым для красоты. Он влюбился в эту дикую планету. Позволил черни, каторжникам и рабам чувствовать себя равными богам. Он создал гибридную расу, которая по самой своей природе не способна подчиняться законам Нибиру. Они никогда не станут рабами, Утнапиштим. Они рождены свободными в грязи. И именно поэтому они должны умереть.

— И каков ваш план?

Энлиль повернулся к учёному. В его глазах полыхал тот самый безжалостный огонь, который когда-то выжег мятежные провинции на спутниках.

— Я лично лечу на Землю. Мой приказ уже ушёл в доки. Я беру свой флагман «Алуум» и четыре тяжёлых крейсера касты воинов. Полная боевая выкладка. Термальные расщепители, тектонические мины, орбитальные лазеры. Я прилечу туда и сожгу Эриду до состояния стеклянного шлака. Я под корень уничтожу гибридную расу, которую сотворил мой брат, до последнего эмбриона в его инкубаторах. Земля будет зачищена. Мы заберём всё золото, которое они успели добыть и сложить в базальтовые хранилища — этого хватит, чтобы обновить наш щит ещё на сотню циклов. А потом... потом я вернусь на Нибиру и официально доложу Совету, что мой великий брат Энки трагически погиб при исполнении долга, защищая шахты от восстания диких мутантов.

Утнапиштим сглотнул, его кадык дёрнулся. Пальцы, сжимающие пластиковую панель, побелели. Он переминался с ноги на ногу, и этот нервный жест не укрылся от внимательного взгляда главнокомандующего.

— Вы... вы убьёте собственного брата? Первенца Ану?

— Я спасу его, — святотатственно обронил Энлиль, и на секунду на его безупречном лице проступила человеческая боль. — Спасу от самого себя. От его позорной слабости. От слепой, извращённой любви к этому болотному миру. Он — Творец Нибиру, он принц крови, а не вождь дикарей в серых обносках. Если он откажется подняться на борт «Алуума» как триумфатор, он умрёт вместе со своим городом. Это будет чистая смерть. Похороны, достойные его прежнего величия.

Утнапиштим молчал. Он хотел сказать что-то ещё, но не решался.

— Говори, — приказал Энлиль. — Я вижу, ты что-то скрываешь.

Утнапиштим глубоко вдохнул, словно собираясь нырнуть в ледяную воду.

— Есть... альтернатива, мой господин, — тихо сказал он. — Если мы хотим сберечь ресурсы флота. Старые архивы хранят протоколы «Намтар». Биологический агент, который выжигает популяцию изнутри. Он не требует кораблей и солдат. Он просто... приходит. И уходит, оставляя пустоту. Он мог бы зачистить планету от Лулу до нашего прибытия.

Энлиль медленно повернулся. На мгновение его маска дрогнула — в глазах мелькнуло нечто похожее на удивление, смешанное с ледяным одобрением.

— Намтар, — повторил он, и в его голосе послышалось холодное одобрение. — Я думал, этот протокол уничтожен. Ты хранил его в обход приказа Совета, Утнапиштим. Это измена.

Учёный побледнел, но не отвёл взгляда.

— Я сохранил копию, мой господин. Потому что знал: наступит день, когда нам понадобится оружие, которое не оставляет следов. Я не предавал Совет. Я служил Нибиру.

Энлиль смотрел на учёного долго — холодным, расчётливым взглядом, взвешивающим каждое слово. Тишина в зале стала вязкой, как смола. Утнапиштим чувствовал, как пот стекает по его спине.

Затем на губах Энлиля появилась тонкая, почти незаметная усмешка.

— Ты предусмотрительнее, чем я думал. — Он сделал паузу. — Оставь копию на моём столе. И не говори об этом никому. Пока.

Утнапиштим облегчённо выдохнул и низко поклонился.

— Но, мой господин, — осторожно спросил он, поднимая голову. — Если Намтар сработает, карательная экспедиция потеряет смысл. Зачем вам лететь на Землю лично? Риск для флагамена слишком велик.

Энлиль смерил его тяжёлым взглядом.

— Намтар — это инструмент, а не гарантия, Утнапиштим. Вирусы мутируют. Гибриды адаптируются. Я лечу на Землю, чтобы лично проследить, что от Эриду останется только пепел. И чтобы забрать золото, которое они накопили. Если Намтар сработает — я просто соберу урожай. Если нет — у меня есть термальные расщепители. Я хочу стоять на том самом берегу, где мой брат впервые вдохнул их воздух. Я хочу смотреть, как их города превращаются в прах. Я хочу, чтобы последнее, что увидит Энки перед смертью, было моё лицо.

Он резко шагнул к столу, вырвал из рук оцепенелого учёного полимерную панель и сжал её. Прочный пластик хрустнул, лопнул по шву, электронные схемы вспыхнули короткой синей искрой и погасли. Осколки посыпались на пол, звякнув о каменные плиты.

— Объявляй общую мобилизацию касты воинов, Утнапиштим. Мы вылетаем через семь циклов.

— Семь циклов?! — ахнул учёный. — Но, мой господин, это технически невозможно! Проверки систем, согласование с министерствами, официальный приказ Высшего Совета... Если старейшины узнают, что вы подняли крейсера без их ратификации, это будет признано военной диктатурой!

— Высшего Совета больше не существует, — отрезал Энлиль, и его голос прозвучал как приговор. — Он умер. Умер в тот самый момент, когда эти трусливые старики позволили Энки безнаказанно калечить расовый генетический код империи ради горсти жёлтого металла. Они импотенты, Утнапиштим. Способны только делить убытки. Теперь здесь есть только я и Нибиру. И я не позволю нашему миру сдохнуть в пыли ради сострадания к земным вырождакам. Выполняй приказ. Или твоё место в инкубаторе займёт кто-то более исполнительный.

Утнапиштим низко, почтительно склонил голову. Он развернулся и торопливо, почти бегом, покинул зал. Створки капсулы захлопнулись с глухим, металлическим стуком, отрезая его от присутствия главнокомандующего.

Энлиль снова остался один в огромном зале, посреди которого беззвучно вращался призрачный силуэт Земли. Голубой свет океанов отражался от его лица, делая его похожим на статую, высеченную из льда.

Он медленно подошёл к окну. За стеклом Нибиру задыхалась в очередной технологической буре. Огромные столбы багровой пыли поднимались от горизонта до самого купола, закрывая умирающие звёзды. Вспышки статики озаряли лица гигантских статуй прошлых царей, высеченных на склонах гор, — они казались мертвецами, которых заживо засыпает пеплом.

Там, далеко, сквозь разрывы разваливающегося золотого щита, сквозь миллионы километров ледяной пустоты, Энлилю чудился запах Земли. Чужая, дикая планета. Голубая. Мокрая. Живая. Она манила его и одновременно вызывала глухую, уродливую ярость.

Он стоял неподвижно, глядя на этот далёкий мир.

— Ты выбрал свободу, брат, — тихо, в звенящую пустоту зала произнёс Энлиль, и его пальцы оставили на корундовом стекле влажный след. — Ты выбрал их. Эту грязь, эти болота, этих короткоживущих тварей. Ты предал нас ради права дышать без маски. Что ж... Это твой выбор. Теперь я сделаю свой. Я выберу нас. Любой ценой.

Он помедлил. На его лице мелькнула тень — не сомнения, нет. Что-то другое. Может быть, сожаление о том, что брат, которого он когда-то уважал, стал врагом. Или осознание того, что он, Энлиль, навсегда останется в тени Энки, если не сделает этого шага.

— Но когда я закончу, — добавил он, почти неслышно, — от них не останется даже воспоминаний. Ты станешь мифом, брат. Я позабочусь об этом.

Он повернулся, накинул на плечи тяжёлый, расшитый золотом военизированный плащ и твёрдым, размеренным шагом направился к выходу. При каждом его движении глухо поскрипывали композитные пластины боевого доспеха.

Далеко внизу, у подножия дворцовой башни, с тяжёлым, утробным рёвом начали просыпаться термоядерные двигатели военных доков. Земля под ногами Энлиля вздрогнула — огромные, чёрные туши тяжёлых крейсеров касты воинов начали выходить из подземных ангаров, готовясь к прыжку через бездну. Их корпуса, покрытые багровой пылью Нибиру, тускло поблёскивали в свете аварийных прожекторов.

Энлиль шагнул в шлюзовой коридор. За его спиной с тихим шипением сошлись герметичные переборки, навсегда отрезая его от голограммы оставленной Земли.

Война за будущее начиналась здесь, в этом зале, среди похорон умирающего бога.

ЧАСТЬ III. ДОМ ШИМТИ

ГЛАВА 11. «ДОМ ШИМТИ»

Он вошёл в модуль на рассвете.

На Земле этот час всегда пах сыростью, парным туманом и полусгнившей за ночь листвою гигантских папоротников. Густым, животным запахом плодородия. От него у чистокровных нибируанцев поначалу кружилась голова и чесались глаза. Энки любил этот запах. Тридцать лет он впитывал его, смывая с себя сухую, мёртвую пыль метрополии.

Но здесь, на пороге «Дома Шимти», земное утро закончилось.

Тяжёлая, трёхслойная гермодверь, отлитая из серого титано-магниевого композита, сомкнулась за его спиной с глухим, маслянистым шипением, напоминающим вздох сытого хищника. Металлический щелчок трёх позиционных замков отозвался в позвоночнике Энки тупым ударом. Всё. Контур замкнулся. Воздух в шлюзовой камере мгновенно дрогнул — это включились компрессоры высокого давления, с утробным, свистящим воем выравнивая внутреннюю атмосферу по стандартам Нибиру. Энки замер, не снимая ладони с гладкого ребра переборки. Под его пальцами едва заметно дрожал металл: модуль засасывал энергию от подземных гидротермальных генераторов, готовясь к прыжку в неизвестность.

Он стоял и слушал, как внутри его ушей умирает мир снаружи. Это была странная, мучительная топография звуков. Сначала исчез далёкий, мерный гул океанского прибоя, который тридцать лет служил ему колыбельной в Эриду. Затем смолкли крики утренних ящероподобных птиц, деливших добычу в папоротниковых кронах. Последним сдался ветер. Он словно запутался в радиаторных решётках внешнего контура, жалобно свистнул на прощание и угас, уступив место абсолютной, стерильной, лабораторной тишине.

Внутри модуля царил холод. Не тот естественный, зимний холод, от которого хочется поглубже зарыться в шерстяной плащ, а мёртвый, приборный хлад, предназначенный для консервации органики. Воздух, прошедший сквозь четыре каскада плазменных и угольных фильтров, казался сухим и колючим, он обжигал ноздри. Он пах озоном, перегретой кремниевой изоляцией квантовых блоков и той специфической, мёртвой чистотой, которая всегда правила бал в цитаделях касты Творцов на метрополии.

Этот запах Энки знал с самого детства. Тогда, в столице Нибиру, окружённой высыхающими каналами и блеклыми куполами, этот аромат казался ему запахом божественного предназначения, триумфа высшего разума над энтропией гибнущей планеты. Им пахло от его отца, верховного правителя Ану, когда тот возвращался из залов Совета. Им пахло в лабораториях, где Энки, будучи ещё совсем юным принцем, впервые вывел жизнеспособный гибрид засухоустойчивого злака. Тогда он гордился этим запахом. Теперь, на Земле, спустя пятьдесят циклов непрерывного планетарного кризиса, этот стерильный дух отдавал привкусом ржавого железа на языке и бесконечным, неизбывным одиночеством смертника.

Энки медленно, словно преодолевая сопротивление густой воды, сделал первый шаг и вышел в центр главного зала.

Пол под ногами — гладкий, безлико-серый, выполненный из матовых полимерных плит со скрытой сеткой электростатического улавливания пыли. Никаких швов, никаких зазоров. Стены уходили вверх, плавно изгибаясь и формируя идеальный купол потолка. Вся внутренняя архитектура «Дома Шимти» была выдержана в одном, давящем на психику графитовом тоне. На Нибиру считалось, что монохромное пространство стабилизирует ментальное поле исследователя, не позволяя хаосу чужого мира проникать в мысли. На деле же этот цвет просто съедал объём. Он уничтожал естественные тени, делал углы плоскими, а человеческую фигуру

— ничтожно малой, лишённой трёхмерности, словно чертёж, забытый инженером на экране терминала.

Здесь принципиально не было окон. Ни одного технологического зазора, ни одного прозрачного экрана, обращённого к Земле. Верховный Совет империи ревностно следил за тем, чтобы Творцы в дальних экспедициях не поддавались «биосферному сентиментализму» — так чиновники называли ментальную привязанность к колонизируемым мирам. За толстыми композитными панелями силового каркаса угадывалась лишь глухая, изолированная пустота.

Энки вдруг остро, до ледяной судороги в груди, ощутил, что он отрезан. От неба, которое здесь бывало пронзительно-синим, а не тускло-янтарным, как дома. От капризного земного ветра, приносившего шторма с юга. От рёва прибоя, который казался ему живым дыханием планеты. От всего, что за эти тридцать лет, проведённых на поверхности, незаметно, по капле, вытеснило из его сердца холодную верность Нибиру.

Он пошёл по периметру зала. Его мягкие лабораторные туфли из тонкой кожи бесшумно касались пола, но Энки казалось, что каждый его шаг отдаётся грохотом в подвальных ярусах модуля. Он протянул руку и провёл пальцами по стене. Поверхность была ледяной, идеально гладкой, пугающе ровной. Ни одной царапины от инструментов, ни одной неровности, ни единого следа человеческого присутствия. Это было совершенство мёртвых вещей, созданных автоматическими сборщиками по его собственным чертежам. Совершенство, которое он сам спроектировал, одобрил и выбрал в качестве своего убежища.

И своей могилы.

Энки остановился. Его широкие плечи, скрытые под свободным серым халатом исследователя, тяжело опустились. Он поднял голову вверх, подставив лицо бьющему со свода купола сиянию. Свет струился из скрытых люминесцентных пазов — ровный, монотонный, слепящий. Оптические фильтры, вживлённые в его карие глаза по праву рождения в высшей касте, мгновенно отреагировали на вспышку, сузив зрачки до состояния вертикальных щелей. Но даже это не спасло от рези в веках. Энки зажмурился.

В наступившей темноте за веками, словно выжженная на сетчатке неоновая картина, проявился вчерашний вечер. Последний вечер перед тем, как запереться здесь.

Он вспомнил берег Эриду. Огромные валуны из чёрного базальта, о которые с яростным шипением разбивались тяжёлые, маслянистые волны Великого Океана. На одном из этих валунов сидел старый шахтёр-игиг по имени Бару. Его комбинезон был изодран на груди, кожа покрылась язвами от местной влаги, а из глубоких, надсадных кашлевых приступов старик выходил, выплёвывая на чёрный камень серую сгустившуюся жижу — кремниевую пыль из глубоких шахт Абзу. Бару тогда поднял на Энки свои слезящиеся, выцветшие глаза. В них не было бунта. Не было злости на принца, который пригнал их на эту планету добывать золото ради спасения далёкой атмосферы Нибиру. Там была только страшная, удушающая надежда. Надежда, которая давила на плечи Энки сильнее, чем вся тяжесть земной гравитации. Старик верил, что Великий Творец что-нибудь придумает. Что он исправит их сломанные лёгкие. Что он спасёт их детей, которые рождались в бараках и не могли сделать даже первого вдоха, погибая от избытка земного кислорода.

Энки открыл глаза. Картинка исчезла.

Перед ним снова были серый потолок и мёртвый белый свет. Ничего больше.

— Дом Шимти, — произнёс он вслух, и его голос сорвался на хрип.

Слова, усиленные безупречной акустикой пустого зала, прозвучали сухо и чужо, словно их произнёс автомат. Они не нашли эха в этих стенах, мгновенно поглощённые звукоизоляционными панелями. «Дом, где куётся матрица жизни» — так это звучало на древнем, сакральном наречии империи, языке, на котором Творцы отдавали команды первым биосинтезаторам тысячи циклов назад. Энки назвал этот модуль в честь шумерского понятия, которое сам же и привил местным диким племенам, обитавшим у границ лагеря. Но глубинная, ядовитая

ирония заключалась в том, что в этом святилище биологического творения сейчас не было даже простейших бактерий. Полная, абсолютная стерильность. Только ожидание. Только он и холодные квантовые машины. Боги, которые возомнили себя способными переписать эволюцию планеты, сначала должны были заживо похоронить себя в технологическом склепе.

Энки решительно, чеканя шаг, подошёл к центральной управляющей консоли. Она представляла собой монументальный массив, занимавший почти треть центральной переборки — монолитная плита из тёмного матового стекла, уходящая глубоко в основание силового каркаса модуля. Под этой гладкой поверхностью спали миллиарды квантовых ячеек, готовых переварить терабайты генетического кода. Поверхность стекла была ледяной, когда он прикоснулся к ней подушечками пальцев.

Энки провёл ладонью слева направо, активируя биометрические датчики. Интерфейс мгновенно узнал своего создателя. Под стеклом, одна за другой, начали пробуждаться индикаторные линии — мягкие, неоновые-синие, глубокие. Они загорались каскадом, пробегая по панели и разбегаясь по стенам зала, словно электрические импульсы по нервным окончаниям гигантского, погружённого в анабиоз доисторического ящера. Модуль признал хозяина.

— Активация главного контура, — выдохнул он в пространство. Голос дрогнул — всего на мгновение, на сотую долю секунды, но высокочувствительные микрофоны консоли зафиксировали этот сбой сердечного ритма.

Консоль отозвалась не сразу. Сначала в залах нижнего технологического яруса, прямо под ногами Энки, зашевелились тяжёлые узлы распределителей. До ушей донёсся сухой, металлический шорох гидравлических приводов, который через мгновение перерос в низкую, утробную вибрацию. Эта вибрация была почти неслышимой, но она осязалась телом — она отдавалась мелкой дрожью в суставах, поднималась по ногам к грудной клетке, заставляя вибрировать сами кости. Магнитные подвесы в биореакторах начали прогрев и центровку. Затем всё снова стихло, уступив место ровному, едва заметному шелесту вентиляционных турбин, нагнетающих холод в инкубаторы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.